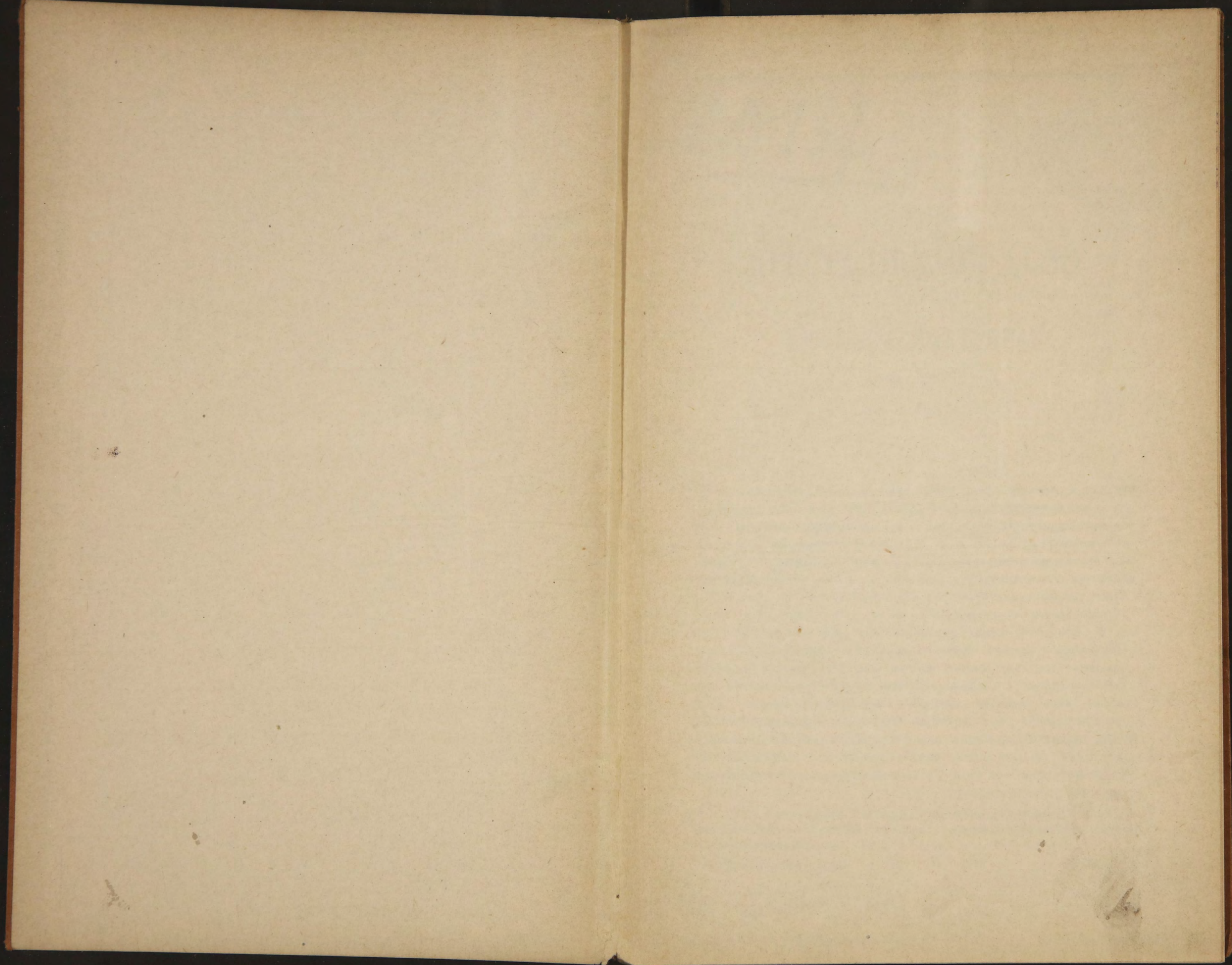

20/37.

Вкрат. изв. 1903, 1, 15, к

20137

83016

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ

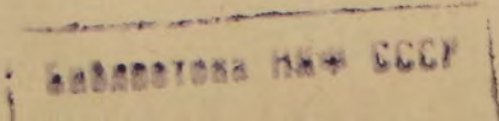
ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

1865—68 гг.

По личнымъ воспоминаніямъ

Примѣненіе „Крестьянскихъ Положеній“ въ юго-западномъ краѣ, подъ вліяніемъ представителей мѣстнаго землевладѣнія, поддерживаемыхъ и администраціею, шло односторонне, невыгодно для крестьянъ, до середины 1863 года, т.-е. до эпохи польскаго мятежа ¹⁾. Признанное закономъ за крестьянами право на всю „инвентарную землю“, т.-е. на все ихъ фактическое владѣніе 1847 года, постоянно пренебрегалось, а устанавливаемые повинности превышали ихъ силы и дѣйствительную доходность надѣльныхъ земель, чему способствовали также неясность и неудовлетворительность нѣкоторыхъ частей самихъ „Положеній“. Уставныя грамоты большею частью составлялись на уменьшенный противъ инвентарнаго размѣръ надѣла, а начавшіе совершаться вслѣдъ за грамотами выкупные договоры вели къ еще дальнѣйшему сокращенію этого размѣра, т.-е., вообще, дѣло направлялось къ усиленію малоземелья и къ парализующему самое значеніе надѣла платежному обремененію. Мятежъ 1863 года, напомнивъ о политическомъ значеніи крестьянскаго элемента въ

¹⁾ См. о томъ подробнѣе мои статьи: „Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ“, августъ и сентябрь 1900 года, и „Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ“—іюль 1901 года.

краѣ, пробудилъ правительственное участіе къ его правамъ и интересамъ. Прежде всего, это выразилось въ объявленіи обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ съ повсемѣстнымъ пересмотромъ правильности уставныхъ грамотъ, за исключеніемъ, однако, нѣсколькихъ сотъ имѣній, по которымъ утверждены были упомянутые выкупные договоры. Но въ совокупности новыхъ и старыхъ законовъ оставалось еще столько неполноты, неясности и даже взаимныхъ противорѣчій, что дѣйствительныя нужды крестьянскаго дѣла не охватывались и самое примѣненіе закона затруднялось недоразумѣніями. Оттого выгодность или тягостность крестьянскаго устройства оставались еще большимъ вопросомъ. Главнымъ образомъ, необходимо было достаточно ясно и широко поставить возстановленіе инвентарнаго надѣла и облегчить крестьянскіе платежи.

Пополненіе пробѣловъ законодательства въ этомъ смыслѣ вызвано было инициативою учрежденной при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ временной комиссіи по направленію крестьянскаго дѣла, въ которой главными дѣятелями были Г. П. Галаганъ, А. Ѳ. Воронинъ и Ѳ. П. Сабанѣевъ, и которая опиралась на содѣйствіе значительной части обновленнаго состава мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений. Въ комиссію и въ означенныя учрежденія успѣла проникнуть общественная струя, выражавшая частицу извѣстнаго общественнаго движенія начала шестидесятыхъ годовъ; но усиліямъ ихъ препятствовали косность и несочувствіе главной кіевской и мѣстной губернской администраціи. Отсюда возникла борьба, при которой развитіе крестьянскаго дѣла хотя подвигалось, но съ большимъ трудомъ. Новые законы появлялись, но практическое пользованіе ими тормазилось администраціею и сокращалось.

Процессъ означенной борьбы, въ которой на одной сторонѣ была живая инициатива безъ власти, а на другой—власть безъ жизни и даже рѣшительности, занялъ весь 1864-й и начало 1865 года. Дѣлу надо было стать на опредѣленный путь, но при безличномъ генералъ-губернаторѣ Анненковѣ это не могло быть достигнуто, такъ какъ онъ не могъ ни самъ двинуться впередъ, ни сдержать своихъ противниковъ. Повѣрка уставныхъ грамотъ, т.-е. фактическое устройство крестьянъ, затормазилась. Такое натянутое положеніе могло разрѣшиться такъ или иначе лишь при новомъ генералъ-губернаторѣ, способномъ выбрать тотъ или другой путь, т.-е. или оживить крестьянское дѣло, или подавить отзывчивость къ крестьянскимъ интересамъ. Въ началѣ 1865 года, Анненковъ и былъ замѣненъ старымъ, но энергич-

нымъ и умнымъ генераломъ Безакомъ. Послѣдній воспринялъ участливое отношеніе къ крестьянству и сталъ дѣятельно проводить соотвѣтствующее тому направленіе,—только это обнаружилось не сразу, и первые мѣсяцы его управленія прошли среди недоумѣній. Временная коммиссія, которой дѣло такъ много было обязано, подверглась упраздненію вслѣдъ за назначеніемъ Безака, но духъ ея въ значительной мѣрѣ перешелъ въ генераль-губернаторское управленіе, причемъ остались на службѣ при генераль-губернаторѣ и два дѣятельныхъ члена коммиссіи—Воронинъ и Сабанѣевъ.

Въ это время, бѣольшая часть необходимыхъ для успѣха дѣла законовъ была уже утверждена или подготовлена, а составъ и исполнительныя средства мировыхъ сѣздовъ увеличены, сообразно размѣру предстоявшей имъ работы. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Безака былъ созывъ въ каждой губерніи края большихъ сѣздовъ представителей крестьянскихъ учрежденій для возможнаго систематизированія пониженія выкупныхъ платежей съ цѣлью соразмѣрить эти платежи съ условіями крестьянской состоятельности. Сѣзды эти выработали свои заключенія; результаты трудовъ ихъ представлены генераль-губернатору, и затѣмъ, по указанію послѣдняго, губернскія присутствія дали мировымъ сѣздамъ въ руководство опредѣленные нормы пониженій. Такъ открылась уже возможность взяться энергически за пересмотръ основаній крестьянскаго устройства по всѣмъ селеніямъ, одному за другимъ.

Съ этого момента начался тотъ ходъ дѣла, о которомъ говорится въ настоящей статьѣ.

I.

Процессъ повѣрочныхъ работъ.

Новый фазисъ крестьянскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ наступилъ въ концѣ апрѣля 1865 года. Разсужденія, споры и сѣзды по общимъ вопросамъ крестьянскаго устройства закончились, и мировыя учрежденія перешли къ дѣловой исполнительной работѣ: началась безостановочная, истинно страдная повѣрка уставныхъ грамотъ на мѣстахъ.

Положеніе уже рѣзко измѣнилось противъ бывшаго всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Законодательство значительно расчистило путь для повѣрочныхъ дѣйствій, а борьба за направленіе, при болѣе благопріятномъ отношеніи къ дѣлу новаго генераль-

губернатора Безака, прекратилась. Мировымъ съѣздамъ предстояло уже не отстаивать крестьянскіе интересы противъ сократительныхъ стремленій администраціи, а напротивъ—испытывать понужденія къ энергическому дѣйствованію въ томъ самомъ направленіи, какое вырабатывалось учрежденіями же по крестьянскимъ дѣламъ въ предшествовавшее время. Тутъ оставалось только работать. А работы предстояло огромная масса. Въ большинствѣ селеній повѣрочное дѣло не было даже начато, да кромѣ того нужно было додѣлывать или передѣлывать многое изъ произведеннаго раньше, во время колебаній и борьбы.

Наступившій періодъ былъ самый обильный по практическимъ результатамъ, такъ какъ тутъ почти каждый день приносилъ какой-нибудь шагъ по фактическому устройству селеній; однако—хотя этотъ періодъ длился около трехъ лѣтъ—разсказывать о немъ приходится не больше, чѣмъ объ одномъ предшествовавшемъ годѣ. Дѣло въ томъ, что, говоря объ этомъ годѣ, надо было изображать сложный и характерный процессъ борьбы за самыя основы крестьянскаго устройства, хотя эта борьба шла только въ средѣ учрежденій, почти вовсе не ощущаясь самими крестьянами. А въ новомъ періодѣ, хотя чувствительнѣйшимъ образомъ на дѣлѣ измѣнялось положеніе сельскихъ интересовъ, но огромная масса дѣлъ шла уже настолько однообразно, что вдаваться въ подробности значило бы часто повторять одинаковыя черты.

Лично у меня опытъ въ этомъ дѣлѣ былъ большой, такъ какъ мнѣ пришлось работать надъ повѣркою уставныхъ грамотъ въ двухъ уѣздахъ: сперва въ одномъ, будучи мировымъ посредникомъ, а потомъ въ другомъ—въ качествѣ предсѣдателя мирового съѣзда, причемъ на эту работу ушло два года сплошь, безъ перерыва. Въ это время нельзя было терять ни одного дня, потому что независимо отъ общаго правительственнаго требованія ускорить ходъ дѣла, а также генераль-губернаторскихъ настояній, надо было и по собственнымъ соображеніямъ крайне дорожить временемъ, чтобы успѣть закончить все возможное при дѣйствиіи благопріятныхъ условій, не оставляя значительныхъ недодѣлокъ тому будущему, которое могло принести какія-нибудь новыя вѣянія. Соображенія эти вполне оправдались послѣдующимъ опытомъ. Поэтому процессъ повѣрки уставныхъ грамотъ прерывался лишь на самыя короткіе промежутки времени, когда необходимо было отвлекаться къ текущимъ административнымъ дѣламъ и неизбѣжной перепискѣ. И въ деревняхъ, и въ канцеляріяхъ работа кипѣла съ утра до поздней ночи.

Затрудненій предстояло еще довольно, но уже почти исключительно техническихъ. Такъ какъ большинство изъ насъ были людьми прѣзжими, — причемъ иные, будучи готовы теоретически, приглядывались къ мѣстнымъ сельскимъ условіямъ только въ теченіе предъидущихъ осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ, — то намъ неизбежно было встрѣчать на практикѣ не мало новаго. Приходилось одновременно учиться и дѣйствовать. Главную задачу повѣрки уставныхъ грамотъ составляло разысканіе полного состава бывшаго инвентарнаго земельного владѣнія, но надо было приспособиться къ средствамъ этого разысканія. Только порядочно напрактиковавшись, можно было достаточно освоиться съ этимъ дѣломъ. Далѣе, почти съ самаго начала почувствовался недостатокъ въ землемѣрныхъ силахъ, которыя часто оказывались еще очень неудовлетворительными.

Такъ какъ сущность успѣха всего болѣе зависѣла отъ практическихъ пріемовъ работы, то, въ виду ихъ значенія, надо прежде всего изобразить самый процессъ повѣрки уставныхъ грамотъ.

Прибывъ въ селеніе, мировой съѣздъ помѣщается въ какой-нибудь относительно просторной крестьянской хатѣ. Заѣзжать къ помѣщикамъ по ихъ приглашеніямъ мы по возможности избѣгали, потому что это производило неблагопріятное впечатлѣніе на крестьянъ, да и неизбежна была неловкость положенія при пользованіи гостепріимствомъ тѣхъ, чьи интересы приходилось чувствительно затрогивать, разрѣшая ихъ счеты съ крестьянами. Разбирательство происходило большею частью на свѣжемъ воздухѣ, въ садикѣ, сараѣ или подъ навѣсомъ, словомъ — гдѣ можно укрыться отъ лѣтнихъ солнечныхъ лучей. Выносятся туда столъ, скамейки или захудалые стулья. Вокругъ стола усаживаются члены мирового съѣзда; тутъ же садится помѣщикъ или уполномоченный имъ управляющій, или помѣщичій адвокатъ давняго типа, по мѣстному — „пленipotентъ“. Передъ столомъ образуется густая толпа крестьянъ, впереди которой — староста и старшина. Въ толпѣ неизбежно виднѣются и бабы, особенно заинтересованныя какою-нибудь мелкою земельною претензіею или имѣющія другого рода жалобы.

Послѣ объясненія относящихся къ дѣлу законовъ, начинается медленное чтеніе уставной грамоты. Идетъ поименная перекличка всѣхъ домохозяевъ, съ обозначеніемъ — кто изъ нихъ тяглый, кто пѣшій или огородникъ ¹⁾. Крестьяне заявляютъ поправки и тутъ

¹⁾ Тяглые владѣли двойнымъ пѣшимъ полевымъ надѣломъ, а огородники — одною усадьбою безъ поля.

же обыкновенно выступают жалобы на былое отнятіе усадебъ или частей ихъ. Противъ каждой жалобы помѣщикъ или его представитель даетъ свои объясненія, а для дополненія дѣлаются справки въ инвентарѣ ¹⁾—въ старомъ планѣ и т. под. При спорахъ и разнорѣчіяхъ опрашиваются еще сторонніе крестьяне, давніе служащіе помѣщичьихъ экономій, мѣстная шляхта, иногда священники и т. д. Потомъ дѣло доходитъ до полевого надѣла. Въ иномъ селеніи крестьяне жалуются на отнятіе только отдѣльных участковъ, а въ другомъ—на общее уменьшеніе количества ихъ земли съ сокращеніемъ всѣхъ участковъ или на полную перекройку всего состава ихъ землевладѣнія, причемъ требуютъ возврата прежней земли „по старымъ межамъ“. При спорахъ поднимается великій шумъ, а особенною крикливостью и докучливостью отличаются бабы, твердящія по нѣскольку разъ одно и то же о какомъ-нибудь кускѣ огорода. Удалить бабу староста, но, немного погодя, она выступаетъ уже съ другой стороны толпы и снова долбитъ прежнюю исторію. Если въ селеніи сотни дворовъ, то на одни словесныя объясненія и пререканія уходитъ нѣсколько часовъ. Когда же все достаточно высказано—подаются повозки и мировой съѣздъ съ крестьянами и представителемъ помѣщичьей стороны отправляется на поля и въ лѣсъ—осматривать качество земли, примѣты спорныхъ границъ и все то, что нуждается въ мѣстномъ осмотрѣ. Послѣ всѣхъ объясненій и осмотровъ публично прочитывается на-черно составленный протоколъ, гдѣ перечисляются всѣ заявленные претензіи и добытыя относительно ихъ свѣдѣнія съ заключеніемъ: что крестьянамъ возвратить, какія земли обмѣнять обратно, въ чемъ крестьянамъ отказать и какія имѣются основанія къ пониженію платежей. Если селеніе велико и передѣлокъ въ крестьянскомъ надѣлѣ требуется много—на повѣрку уходитъ дня два или три. Затѣмъ, посылаются на мѣсто землемѣръ для инструментальной съѣмки земли, долженствующей уже дать точныя цифры состава и размѣра надѣла, на основаніи которыхъ исчисляются платежи и слѣдующая помѣщику, по капитализаціи ихъ, выкупная сумма.

Едва закончилась одна повѣрка — мировой съѣздъ переѣзжаетъ въ слѣдующее селеніе, гдѣ начинается то же самое и т. д. Сколько помню, въ одномъ только уѣздѣ нашей (подольской) губерніи, отличавшемся особенною крупностью землевладѣнія, под-

¹⁾ „Инвентарями“ назывались составленные около 1847 года описанія имѣній, съ подробнымъ объясненіемъ состава, размѣра и распредѣленія крестьянской земли и съ поименными списками крестьянъ.

лежавшихъ повѣркѣ уставныхъ грамотъ было меньше ста; въ другихъ же—полтораста, двѣсти и больше. Одно это показываетъ, сколько было работы.

Такова была внѣшняя сторона дѣла. Теперь надо перейти къ его сущности. Задача повѣрки, какъ объяснялось уже прежде, распадалась главнымъ образомъ на двѣ части: возстановленіе инвентарнаго надѣла и уменьшеніе выкупныхъ платежей. Наибольшую сложность и затрудненія представляло, разумѣется, первое. Землею и крестьяне больше интересовались, перемѣны въ ней и помѣщикамъ были чувствительнѣе. Сложность земельного вопроса являлась послѣдствіемъ основного различія между началами крестьянскаго устройства въ юго-западномъ краѣ и въ другихъ губерніяхъ Россіи. Тогда какъ въ этихъ послѣднихъ приходилось считаться съ наличною численностью населенія, съ наличнымъ надѣломъ и нормами „Положеній“, — вообще съ фактами *современными*, — въ юго-западномъ краѣ все приурочивалось къ возстановленію порядка, *бывшаго* при введеніи инвентарей, т.-е. къ 1847 году. Великъ или малъ былъ тогда надѣлъ, хорошъ или дуренъ—онъ долженъ быть тотъ, какой былъ въ 1847 году. Всѣ споры и рѣшенія вращались около одного вопроса: была ли во владѣніи крестьянъ та или другая земля въ инвентарный моментъ? Если она отнята въ 1846 году или раньше—крестьяне получаютъ отказъ, а если въ 1848 или позже — она имъ возвращается. Оттого при спорахъ одна сторона обыкновенно усиливалась доказать, что земельное отнятіе совершилось хоть годомъ раньше инвентарнаго момента, а другая—что хоть годомъ позже. При такихъ условіяхъ, повѣрка усвоивала характеръ „слѣдствія“ о томъ, что *было* въ 1847 году, а устанавливать это приходилось по документамъ, показаніямъ и всякимъ возможнымъ къ полученію свѣдѣніямъ почти двадцать лѣтъ спустя.

„Положеніе“ давало для розыска инвентарной земли только поверхностныя, примѣрныя указанія: не полагаться на одни показанія инвентарей, но удостовѣряться разсмотрѣніемъ плановъ имѣнія, „если таковыя имѣются“, и „въ особенности посредствомъ опроса сосѣднихъ стороннихъ крестьянъ и др. лицъ“ — не уменьшилось ли съ инвентарнаго времени число надѣленныхъ дворовъ, не сокращенъ ли размѣръ ихъ участковъ и не переведены ли тѣ или другіе крестьяне изъ высшихъ разрядовъ въ низшіе? Но пользованіе подобными пособіями соединялось со многими затрудненіями. Всего бы пригоднѣе были планы инвентарнаго времени, но у однихъ помѣщиковъ они были, у другихъ оказывались лишь позднѣйшіе или ужъ слишкомъ давніе,

а у третьихъ не было никакихъ. Иные помѣщики рѣшительно отказывались давать не только планы, но даже инвентари. Кромѣ того, большой вопросъ представляла самая достовѣрность плановъ. Разъ, при крупномъ разнорѣчїи, помѣщикъ предъявилъ вполне подходящій по наружности планъ, но когда пришлось взглянуть на него противъ свѣта, то въ его бумагѣ обнаружались такіе водные знаки, которые свидѣтельствовали, что самая эта бумага сдѣлана гораздо позже того года, какимъ планъ былъ помѣченъ, т.-е. подъ видомъ инвентарнаго владѣнія выставилось позднѣйшее, измѣненное. Иные планы оказывались такими вытертыми, измятыми или склеенными изъ кусковъ, что одинъ наружный видъ ихъ внушалъ подозрѣнія относительно ихъ передѣлокъ послѣ составленія. Встрѣчались и исправные по внѣшности планы, но до того расходящіеся со всѣми прочими данными и даже съ показаніями предъявившихъ ихъ помѣщиковъ, что если и можно было допускать составленіе ихъ около 1847 года, то развѣ въ видѣ проектовъ, приводившихся въ исполненіе уже впослѣдствїи. Нѣкоторые лишены были необходимыхъ подробностей, — напр., показывая общее очертаніе лѣса, не объясняли, были ли среди послѣдняго крестьянскіе сады, тогда какъ существованіе этихъ садовъ удостовѣрялось не только словесными показаніями, но и явственными признаками, сохранившимися на мѣстахъ до повѣрки. Зато случались и совсѣмъ неожиданныя разъясненія; у одного акуратнаго помѣщика велась хозяйственная книга, въ которой ежегодно набрасывались домашніе чертежи площадей посѣвовъ. Онъ представилъ эту книгу, и ясно стало, гдѣ въ каждомъ году были границы помѣщичьихъ полей, — слѣдовательно, оставалось соображаться съ чертежами инвентарнаго года.

Инвентари, въ свою очередь, бывали ненадежны, иногда очень рѣзко расходясь съ показаніями. Приведу выдающійся примѣръ. Въ одномъ крупномъ имѣніи, принадлежавшемъ помѣщику, жившему въ Галиціи, къ повѣркѣ явился уполномоченный имъ главноуправляющій. Заявивъ письменно, что признаетъ крестьянскія требованія преувеличенными, но самъ инвентарной земли хорошо не знаетъ, — этотъ главноуправляющій выставилъ, въ качествѣ самаго надежнаго свидѣтеля, брата мѣстнаго ксендза, долго занимавшаго какую-то должность въ имѣніи, и просилъ довѣрять показаніямъ этого свидѣтеля, какъ своимъ собственнымъ. Свидѣтель тоже горячо напрашивался на показанія, чуть не клятвенно увѣряя, что помнитъ инвентарную эпоху, какъ вчерашній день, и зналъ каждого мужика. Тогда мировой съѣздъ,

съ инвентаремъ въ рукахъ, но не показывая его свидѣтелю, сталъ опрашивать его, какимъ надѣломъ владѣлъ каждый крестьянскій хозяинъ? Свидѣтель, не задумываясь, на все отвѣчалъ категорически, съ видимымъ убѣжденіемъ, что поддерживаетъ помѣщичьи интересы и опровергаетъ крестьянъ, но его показанія постоянно расходились съ инвентаремъ и какъ разъ въ обратную сторону. Онъ насчиталъ гораздо больше хозяевъ съ высшими участками, чѣмъ значилось въ инвентарѣ, и когда пришлось подвести итогъ всѣхъ названныхъ имъ участковъ, то оказалась самая ничтожная разница противъ того, чего добивались крестьяне и что подкрѣплялось прочими свѣдѣніями. Безъ вѣдома своего, свидѣтель опровергъ инвентарь и поддержалъ не помѣщика, а крестьянъ, которыхъ думалъ оспаривать.

Пользованіе показаніями стороннихъ лицъ въ свою очередь требовало осторожности. Крестьяне склонны были поддерживать крестьянъ, своихъ сосѣдей; шляхта тоже часто ихъ поддерживала, но въ присутствіи помѣщиковъ или управляющихъ боялась имъ противорѣчить, чувствуя свою зависимость отъ нихъ. Впрочемъ, послѣ долгаго опыта, лично я все-таки вынесъ мнѣніе, что опросъ стороннихъ сосѣдей былъ наиболѣе надежнымъ основаніемъ; если они не подготовлялись заранее, то отчетливо покажутъ, что знаютъ, и развѣ невольно сойдутся въ опредѣленіи времени какого-нибудь событія. Особенно удачны бывали случаи, когда при осмотрѣ полей тутъ же вызовешь нѣсколько мужиковъ изъ смежной деревни, неожиданно для нихъ, и разпросишь—въ чьемъ именно пользованіи находился тотъ или другой кусокъ земли. Сбивчивость всего чаще возникала при опредѣленіи момента земельныхъ перемѣнъ. Тутъ многимъ память измѣняла; по словамъ однихъ — дѣло было лѣтъ пятнадцать назадъ, а по воспоминаніямъ другихъ — пожалуй и двадцать, а между тѣмъ въ этой-то разницѣ бывала вся суть вопроса. Случалось, что при спорѣ о мѣстѣ прохожденія старой межи между крестьянскими и помѣщичьими полями помогали особаго рода примѣты. Напримѣръ, линія межи, давно запаханной и нѣсколько разъ перепахивавшейся, очень долго сохраняетъ замѣтную возвышенность надъ площадью той земли, по которой она проходитъ, и вотъ бывало, что линія этого возвышенія явится нагляднымъ подкрѣпленіемъ показаній о старой границѣ. Иногда выручало то, что уцѣлѣлъ стоявшій около давней межи крестъ, большой камень и т. под. Случалось и такъ, что послѣ перемѣны крестьянскаго надѣла на прежнемъ его мѣстѣ сохранились два—три старыхъ шляхетскихъ участка, которые обыкно-

венно имѣли равную величину съ крестьянскими. По этому остатку старины можно было возстановить былой объемъ крестьянскаго владѣнія: стѣило только измѣрить подобный участокъ и помножить его величину на число крестьянскихъ инвентарныхъ дворовъ.

Помѣщики, большею частью, оспаривали крестьянскія показанія, но правду все-таки легче было выяснить, когда присутствовалъ самъ помѣщикъ. Если дѣлаемая ему крестьянами возраженія, сопровождаемая напоминаніями о тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, становились убѣдительными,—онъ часто соглашался. Бывало еще, что онъ, незамѣтно для себя и противъ себя, самъ помогалъ крестьянамъ, особенно когда вызывался дать письменное объясненіе. Доставить бумагу, обыкновенно называемую „внесеніемъ“, и тутъ-то даетъ противъ себя оружіе. Распространившись о быломъ, особенно о своихъ прежнихъ благодѣяніяхъ крестьянамъ, онъ какъ разъ пропишется и дастъ такія указанія, которыя, противорѣча его прежнимъ заявленіямъ, поддержать крестьянскія требованія. Давать помѣщикамъ или управляющимъ побольше писать было довольно практичнымъ приѣмомъ.

Но когда выступалъ адвокатъ, такъ называемый „пленипотентъ“, картина значительно мѣнялась. Помѣщикъ умалкалъ, вѣруя въ его жреческую премудрость, и отдѣлывался отъ вопросовъ уклончивостью, лишь вопросительно взглядывая на пленипотента. И послѣдній зналъ себѣ цѣну. Онъ возражалъ противъ всего и выставялъ себя знающимъ все происходившее въ имѣніи въ какую угодно пору, хотя на дѣлѣ всѣ его познанія почерпались изъ нѣсколькихъ сдѣланныхъ разспросовъ какого-нибудь эконома. Подобное всевѣдѣніе особенно бросалось въ глаза потому, что иные пленипотенты имѣли очень обширную практику. Я зналъ одного, обладавшаго полномочіями въ нѣсколькихъ уѣздахъ, и вездѣ онъ являлся знатокомъ исторіи имѣній. На все у него готовъ былъ отвѣтъ и „внесенія“ слѣдовали одно за другимъ. Однако, усердствуя своимъ довѣрителямъ, не забывали они и о собственныхъ выгодахъ. Помню, какъ одинъ пленипотентъ съ широкою практикою вкинулъ разъ въ свое письменное объясненіе нѣчто такое, что какъ разъ могло дать поводъ къ новому спору вовсе не въ интересахъ его довѣрителя. Спрашиваю его потомъ—зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? А пленипотентъ съ двусмысленною улыбкою, полу-шутя отвѣчаетъ: „А что-жъ мнѣ себя забывать! Если все будетъ ясно и закончено, то и дѣлу скоро конецъ, а когда останется хвостикъ для дальнѣй-

шихъ споровъ и защиты — я опять буду нуженъ“. — Но понравится ли это вашему довѣрителю? — „А развѣ онъ что-нибудь разберетъ“!

Вообще, слѣдуетъ сказать, что гдѣ помѣщикъ совсѣмъ не трогалъ инвентарной земли, тамъ и претензій почти не было. Сколько въ такомъ имѣніи ни приходилось спрашивать крестьянъ—отвѣтъ получался одинъ: земля у насъ та самая, какая была 25 или 30 лѣтъ назадъ. Зато совсѣмъ обратное положеніе возникало тамъ, гдѣ перемѣны послѣ инвентарей дѣлались два или нѣсколько разъ. Изъ показаній выходило, что у крестьянъ была и та, и другая, и третья земля, все это подтверждалось и самъ помѣщикъ затруднялся возражать. Словомъ, фактъ владѣнія являлся несомнѣннымъ; оставалось только мѣсто подозрѣнію—одновременно ли владѣли крестьяне всѣми этими землями, или въ разное время, т.-е. не понадалъ ли одинъ спорный участокъ въ крестьянское владѣніе въ замѣнъ другого? И при такой путаницѣ, отъ трудности точнаго установленія моментовъ каждой перемѣны, не мудрено бывало зачислить въ надѣлъ оба участка, т.-е. настоящій инвентарный и данный въ обмѣнъ его, а потомъ тоже отнятый. Задача разслѣдованія вообще была широкая, запутанная, да и не могло быть иначе, когда все строилось на основаніи давняго факта, въ свое время точно не констатированнаго. Многое также не могло не зависѣть отъ умѣлости и личныхъ особенностей самихъ членовъ мировыхъ сѣздовъ.

Очень важную и трудную сторону дѣла представляло межеваніе. Всѣ крестьянскіе надѣлы подлежали измѣренію и снятію на планы. Не разъ потомъ приходилось слышать нареканія на ошибки этихъ плановъ, и хотя трудно сказать, насколько подобныя ошибки были часты и велики, но вѣрно то, что избѣжать ихъ было рѣшительно нельзя. Во всякомъ дѣлѣ надо принимать во вниманіе условія возможности, а тутъ положеніе было исключительное. Требовалось въ какіе-нибудь два года размежевать три губерніи съ восемью тысячами имѣній разной величины и нерѣдко черезполосныхъ. Вездѣ, гдѣ производились казенныя межеванія,—напримѣръ, въ Малороссіи или въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ,—они тянулись подолгу, безъ торопливости и въ соотвѣтствіи съ количествомъ надежныхъ землемѣрныхъ силъ, а въ юго-западномъ краѣ спѣшность вызывалась потребностью самой развязки сельскихъ отношеній, которая не допускала никакихъ выжиданій. Исполнительныхъ же средствъ было мало. Землемѣры въ краѣ были, но лишь въ количествѣ,

достаточномъ для обыкновенной потребности въ нихъ, а тутъ разомъ выросъ на нихъ небывалый спросъ, долженствовавшій скоро же прекратиться. Легко ли было вдругъ набрать такую массу со строгимъ разборомъ? На каждый мировой участокъ назначалось по два землемѣра,—слѣдовательно, для уѣзда требовалось около десяти, а для губерніи—около ста-двадцати. Приняты были старые мѣстные практиканты—если не всегда достаточной учебной подготовки, зато опытные, привычные къ извѣстной акуратности, и они, пожалуй, были наиболѣе цѣнны. Въ добавокъ къ нимъ назначались молодые люди, выпускаемые таксаторскими классами, но въ этихъ уже больше сказывалось небрежности, лѣности и стремленія скорѣе нахватать побольше задѣльной платы за работу, исполненную какъ-нибудь. Являлись и пріѣзжіе изъ другихъ мѣстностей. Однако и всего штатнаго количества скоро оказалось мало, и, подъ вліяніемъ неотложной нужды, мировымъ учрежденіямъ разрѣшено было давать отдѣльныя межевыя работы еще случайнымъ техникамъ, гдѣ только ихъ можно было находить. Въ число такихъ волонтеровъ попалъ и заѣзжій морякъ, и обученный обращенію съ астролябіею пѣхотный офицеръ; а разъ явился къ намъ даже совсѣмъ необыкновенный охотникъ: французъ, который сперва работалъ у Лессепса на Суэзскомъ каналѣ, оттуда попалъ на Кавказъ, далѣе очутился въ Финляндіи и затѣмъ явился въ Подолію. За свою практику въ Россіи онъ едва выучился плохо говорить и писать по-русски, а хорошо усвоилъ только приверженность къ водкѣ, почему пришелъ къ намъ пѣшкомъ, въ отчаянной одеждѣ и обуви. Межевать, однако, умѣлъ. Когда такіе разнообразныя люди работали одновременно въ десяти мѣстахъ уѣзда, контролировать ихъ работу было крайне трудно, и надзоръ былъ случайный, выражавшійся или въ замѣчаніяхъ по поводу наружнаго осмотра плановъ, или въ рѣдкихъ наблюденіяхъ на мѣстѣ со стороны знающаго мирового посредника. Входить въ большую критику—не хватало ни времени, ни силъ. Соображая все это, можно было опасаться гораздо большихъ ошибокъ, чѣмъ тѣ, о какихъ приходилось слышать. Землемѣры и при снисходительности къ нимъ достаточно тормазили дѣло.

Вотъ какъ обставлено было земельное дѣло. Что же касается пониженія выкупныхъ платежей, то оно и къ срединѣ 1865 года все еще не было приведено въ опредѣленную систему. Выигрышъ достигнуть былъ, собственно, въ томъ, что пониженіе стало всюду общимъ правиломъ, но большой вопросъ оставался относительно его размѣровъ. Какъ было объяснено въ статьѣ

„Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ“ (глава V), по распоряженію генераль-губернатора намъ даны были выработанныя губернскимъ присутствіемъ нормы, но главный недостатокъ ихъ состоялъ въ томъ, что построены онѣ были почти исключительно на соображеніяхъ о качествѣ почвы. Когда было чѣмъ укорить почву—находился формальный поводъ къ чувствительному пониженію, а когда этого не было—пониженіе можно было назначать совсѣмъ ничтожное, мотивируя его вознагражденіемъ за потерю крестьянами прежняго отпуска лѣсного матеріала или чѣмъ-либо подобнымъ. Между тѣмъ, какъ бы ни была хороша почва—все-же и ей существуетъ предѣльная цѣна, а бывшія на мѣстахъ продажныя и арендныя цѣны ясно показывали, что дѣйствительная стоимость даже вполне удовлетворительныхъ надѣльныхъ земель значительно ниже установленной для нихъ оцѣнки, слѣдовательно пониженіе нужно было и независимо отъ достоинства почвы. Формальная система пониженій упускала такое важное обстоятельство, какъ величина надѣла, чувствительно отражавшаяся на крестьянской состоятельности. Вслѣдствіе того, въ массѣ случаевъ перваго времени выходило, что при полной безукоризненности почвенныхъ условій крестьяне все-таки будутъ несостоятельны ко взносу тѣхъ платежей, которые придется имъ назначить сообразно даннымъ нормамъ. Въ виду этого, иные искали исхода въ усиленномъ охаиваніи почвы; но если тутъ результатъ и подходилъ къ нуждамъ дѣла, то способъ выходилъ все-таки не ладный. Словомъ, на практикѣ скоро сказалась неполнота тѣхъ основаній, какія были приняты и на нашемъ весеннемъ сѣздѣ въ Каменцѣ, и въ системѣ, введенной потомъ губернскимъ присутствіемъ (см. V главу статьи: „Страница кр. дѣла на юго-западѣ“).

Дополнять систему пониженій пришлось постепенно, во время самаго хода повѣрочныхъ работъ. Генераль-губернаторъ, имѣя право окончательно утверждать пониженія, самъ входилъ въ разсмотрѣніе частныхъ случаевъ, и то уменьшалъ, то увеличивалъ предположенныя пониженія, приурочивая платежныя нормы къ мѣстностямъ. Также стало поступать потомъ и губернское присутствіе, не стѣсняясь прежними своими заключеніями.

А сколько интереснаго матеріала представлялось мировымъ сѣздамъ при личныхъ встрѣчахъ съ огромнымъ помѣщичьимъ персоналомъ! Тутъ было цѣлое море для наблюденія характеровъ, для изученія разнообразныхъ типовъ, потому что натура человѣка рѣдко раскрывается такъ глубоко, какъ при чувствительномъ затрогиваніи его имущественныхъ интересовъ. При дав-

нихъ условіяхъ жизни, Гоголю, для представленія галереи помѣщичьихъ портретовъ, понадобилась мудреная комбинація покупки „мертвыхъ душъ“, а при повѣркѣ уставныхъ грамотъ портреты приходили къ намъ сами собою въ огромномъ количествѣ и разнообразіи. Были и вполне благородные, и средней порядчности, и смѣшанные, и пошлые, и отвратительные.

Вспоминая лучшіе образцы, приведу одинъ особенно памятный мнѣ примѣръ. Однажды является ко мнѣ помѣщикъ Гурскій и сообщаетъ, что на дняхъ умерла его теща, оставивъ имѣнія его женѣ, ея братьямъ и сестрамъ. Умершая владѣла этими имѣніями по завѣщанію мужа только пожизненно, въ теченіе четырнадцати лѣтъ. „Теперь, — объяснилъ Гурскій, — когда мы стали разбирать семейный архивъ покойной, то нашли предсмертное распоряженіе ея мужа, по которому онъ возлагалъ на нее обязанность, во все время пожизненнаго владѣнія, платить за крестьянъ половину ихъ податей. Мы достовѣрно знаемъ, что покойница этого не исполняла, но, узнавъ о существованіи такого распоряженія, желаемъ свято его исполнить, и вотъ наша общая просьба къ вамъ: соберите справки, сколько именно покойная должна была уплатить за крестьянъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ, и вычтите все это изъ слѣдующей намъ выкупной суммы, чтобы крестьяне воспользовались тѣмъ, что было имъ назначено волею отца моей жены“. — Упомянутое распоряженіе было домашнее, никѣмъ не утвержденное, никому неизвѣстное, слѣдовательно не имѣло ровно никакой законной силы, но отозвалась чуткая человѣческая совѣсть, — и оно получило полное осуществленіе! Оставалось искренно пожать руку моему посѣтителю. По справкамъ же вышло, что надо было удержать около десяти тысячъ рублей.

Конечно, подобныя личности встрѣчались какъ очень рѣдкія исключенія. Мнѣ пришлось видѣть даже какъ разъ обратный примѣръ. Крупный помѣщикъ, бывшій предводитель, владѣлъ имѣніемъ, полученнымъ по завѣщанію отъ дальняго родственника подъ условіемъ постоянной уплаты за крестьянъ всѣхъ податей. Но, послѣ долгаго исполненія этой обязанности, деньгилюбивый наслѣдникъ надумался и — какъ только окончилось выкупное дѣло — прекратилъ платежъ, да еще предъявилъ къ крестьянамъ судебный искъ за прошлое, причемъ никакія убѣжденія на него не дѣйствовали.

Съ помѣщиками средней порядчности имѣть дѣло было не трудно, но встрѣчались такіе, которые считали нужнымъ вести съ крестьянами упорную борьбу изъ-за всякаго пустяка, жалуясь

на все, что ни дѣлалось въ пользу крестьянъ, не пренебрегая ни явнымъ уклоненіемъ отъ правды, ни самыми беззастѣнчивыми претензіями. Вообще, типовъ выступаетъ много въ моей памяти. Вотъ крупный помѣщикъ, считающійся магнатомъ и во всемъ полагающійся на своихъ управляющихъ и пленипотентовъ. Вотъ бывшіе управляющій и пленипотентъ титулованнаго владѣльца, прихватившіе себѣ каждый по одному изъ его имѣній, а своего патрона пустившіе въ трубу; они очень стараются казаться важными панами, но сосѣди чувствительно уязвляютъ ихъ отзывами, что каждый изъ нихъ вовсе не „съ пановъ панъ“, а „добробковичъ“, т.-е. человѣкъ, пробившійся изъ бѣдности и подчиненнаго положенія. Вотъ и самъ разоренный, но не обратившійся ни въ Тимона Аѳинскаго, ни въ короля Лира, а сохранившій старое добродушіе графъ, который пріютился на маленькомъ клочкѣ земли и, покинутый безъ помощи богатыми родственниками, спитъ на соломѣ и носитъ дырявые сапоги. Вотъ значительный помѣщикъ, съ виднымъ общественнымъ положеніемъ, который, однако, при встрѣчѣ цѣлуетъ меня въ плечо, а при какой-нибудь существенной просьбѣ—и въ локоть. Вотъ отставной генералъ изъ остзейцевъ, величающійся своимъ воинскимъ чиномъ, хотя всѣ его военные подвиги ограничивались управленіемъ казенною случною конюшнею, на которой онъ и нажилъ имѣніе; онъ не можетъ примириться съ мыслью: „какъ это прежде и мужикъ былъ мой, и все принадлежавшее ему—мое, а теперь его у меня отняли, да онъ же еще заявляетъ ко мнѣ претензіи“! Вотъ богачъ, представляющій совершеннѣйшій типъ Плюшкина, своеручно переписывающій всѣ бумаги изъ скупости и пріобрѣтшій общую извѣстность тѣмъ, что даже жалованье служащему отдаетъ не иначе, какъ по суду, и оттого погрязъ въ тяжбахъ. Вотъ писатель доносовъ; вотъ мелкая помѣщица, промышляющая провозомъ контрабанды въ компаніи съ крестьянами... Но всѣхъ типовъ не перечестъ, а они представляли обильный матеріалъ для характерныхъ очерковъ.

Различіе свойствъ этой массы людей выражалось какъ въ образѣ ихъ дѣйствій при повѣркѣ грамотъ, такъ и въ содержаніи и тонѣ ихъ жалобъ. Литература подобныхъ жалобъ была огромна. Рѣдкое повѣрочное дѣло обходилось безъ жалобы, почему заключительнымъ дѣйствіемъ сѣзда по каждому дѣлу бывала обыкновенно отписка противъ жалобы. Одинъ жалобщикъ просто говоритъ о существенныхъ обстоятельствахъ дѣла; другой пытается набросить на дѣйствія сѣзда тѣнь неблагонадежности;

у третьяго — наборъ общихъ фразъ, но подачу жалобы каждый почти считалъ чѣмъ-то въ родѣ гражданской обязанности.

По окончаніи всѣхъ повѣрочныхъ дѣйствій, уставная грамота передѣлывалась и, на основаніи ея, составлялся выкупной актъ, который затѣмъ объявлялся обѣимъ сторонамъ. Но и это не было концомъ дѣлу, потому что впереди были еще три инстанціи: губернское присутствіе, генераль-губернаторъ и главное выкупное учрежденіе. Объявляя актъ, надо было предлагать крестьянамъ подождать терпѣливо еще. Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ всѣхъ утвержденій, можно было приступать къ возстановленію инвентарнаго владѣнія въ натурѣ, измѣненію платежей и расчету по всѣмъ сдѣланнымъ прежде переплатамъ. Крестьяне получали наконецъ прибавку земли и переходили къ желаннымъ „старымъ межамъ“, причемъ нерѣдко возвращалось и уничтоженное-было череполорье. Все приходило къ положенію, признанному „Положеніемъ“ 1847 года, и хотя въ общемъ крестьянское устройство выигрывало, но гдѣ надѣлъ и въ 1847 году былъ малъ, тамъ крестьяне и послѣ повѣрки оставались въ трудныхъ условіяхъ.

II.

ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРЪ БЕЗАКЪ.

Между тѣмъ какъ повѣрочная работа шла по деревнямъ и канцеляріямъ, генераль-губернаторъ съ лѣта же 1865 года началъ объѣзды всѣхъ трехъ губерній края, для личнаго наблюденія за ходомъ крестьянскаго дѣла. Часть уѣздовъ онъ успѣлъ посѣтить въ началѣ лѣта, а другую — въ концѣ, не пропустивъ изъ нихъ ни одного.

Объѣзды эти совершались съ немалою торжественностью. Предварительно посылались на мѣста состоявшія при Безакѣ должностныя лица, причемъ по крестьянскому дѣлу большею частію пріѣзжали, какъ специалисты, Воронинъ и Сабанѣевъ, которые, ознакомясь съ дѣлами губернскихъ присутствій и мировыхъ сѣздовъ, составляли свои замѣчанія для предварительнаго доклада генераль-губернатору. Затѣмъ появлялся самъ Безакъ, сопровождаемый свитою гражданскихъ и военныхъ чиновъ. Заранѣе становился извѣстнымъ его маршрутъ, соображаясь съ которымъ готовились къ определенному дню: мировые сѣзды, желавшіе подавать жалобы помѣщики, чиновники и военные лица. Кorteжъ генераль-губернатора бывалъ довольно великъ,

тѣмъ болѣе, что Безакъ возилъ съ собою даже свою кухню, почему на обѣдахъ самъ бывалъ хозяиномъ, очень рѣдко заѣзжая къ мѣстнымъ лицамъ, по ихъ приглашеніямъ. Къ обѣду обыкновенно приглашались его спутники и кое-кто изъ мѣстныхъ представителей власти, причемъ непременно—предсѣдатель мирового съѣзда, а гдѣ Безакъ бывалъ особенно доволенъ ходомъ дѣла, то и мировые посредники.

Надо остановиться на обликѣ этого много сдѣлавшаго и еще недостаточно оцѣненнаго администратора не очень давняго прошлаго, какъ онъ представлялся намъ, представителямъ мѣстныхъ учрежденій. При встрѣчѣ съ Безакомъ, прежде всего обращала на себя вниманіе его неприглядная и непривѣтливая наружность: ростомъ онъ былъ малъ, худощавъ, одряхлѣвшее лицо совсѣмъ не гармонировало съ вычерненными волосами, а глаза выражали строгость, безстрастіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вдумчивость. Держалъ онъ себя довольно важно. Руку подавалъ очень немногимъ, и если кому подавалъ, то это было уже признакомъ особеннаго благоволенія и одобренія дѣятельности. Вообще, обращеніе его со всѣми отличалось сухостью, сосредоточенною серьезностью и отсутствіемъ многоглаголанія; спросить въ короткихъ словахъ о существенномъ, внимательно выслушаетъ, процѣдитъ нѣсколько словъ—и только. Фразъ у него не было. Въ засѣданіяхъ съ мировыми съѣздами или при докладахъ хотя случалось ему разговаривать, но не очень. Любезности, привѣтливыхъ словъ отъ него почти никто не слышалъ. Гдѣ онъ былъ даже вполне доволенъ, это выражалось короткимъ одобреніемъ или такимъ же изъясненіемъ благодарности. Болѣе участливое отношеніе къ одобряемымъ высказывалось развѣ въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Все это не вызывало къ нему личныхъ симпатій, но послѣ дѣловыхъ объясненій, въ общемъ, впечатлѣніе получалось внушительное. Чувствовалось, что это не только старый Николаевскій генералъ и крупный представитель власти, но вмѣстѣ—умный, необыкновенно дѣятельный и знающій человекъ, у котораго слово тѣсно соединяется съ практическимъ дѣломъ. Если отъ него всего больше ожидали строгой требовательности, за то видно было также, что эта строгость, будучи дѣломъ натуры и привычки, не соединяется ни съ начальственнымъ капризомъ, ни съ намѣренной жесткостью.

Хотя Безакъ главнымъ образомъ интересовался крестьянскимъ дѣломъ, но при своихъ посѣщеніяхъ обращалъ вниманіе и на другія стороны управленія; осмотрить воинскую часть, заглянуть въ присутственныя мѣста, обойдетъ тюрьму, посѣтитъ

учебное заведеніе, поговорить съ учителями и учениками и вездѣ сдѣлаетъ болѣе или менѣе зоркія замѣчанія. Иногда ввернетъ среди рѣчи латинскую фразу, а въ одной гимназіи, разговорившись съ учениками, по какому-то поводу предложилъ имъ спросить его изъ Державина и, по выбору ученика, продекламировалъ на память „Водопадъ“. Бывали при его посѣщеніяхъ характерные случаи, одинъ изъ которыхъ здѣсь передамъ.

Незадолго до перваго пріѣзда Безака въ губернскій городъ Каменецъ, въ окрестности стали исчезать нѣкоторые помѣщики. Спрашиваю какъ-то объ одномъ, заѣзжаю къ другому, и въ отвѣтъ получаю, что они—въ губернской тюрьмѣ. Чтò за притча! Оказалось, что тутъ было специфическое проявленіе административнаго усердія. Въ это время обо многихъ производились еще политическія дѣла, между которыми было не мало вздорныхъ. Иныя возбуждались по какому-нибудь пустяшному доносу, возникшему изъ-за личныхъ счетовъ. Прикосновенныя къ такимъ дѣламъ лица большею частью оставались на свободѣ, лишь изрѣдка давая отвѣты на запросы слѣдственной комиссіи, но, въ ожиданіи пріѣзда генераль-губернатора, мѣстная администрація, чтобы показать лицомъ свою распорядительность, задумала разомъ потребовать всѣхъ въ тюрьму. Помню, какъ предварительно посѣтившій ее Сабанѣевъ съ возмущеніемъ рассказывалъ объ этомъ порывѣ административнаго усердія, прибавляя, что врядъ-ли онъ понравится Безаку. Дѣйствительно, какъ только послѣдній вошелъ въ тюрьму, въ сопровожденіи властей, то былъ пораженъ видомъ массы интеллигентныхъ арестантовъ. „Чтò это, развѣ у васъ тутъ бунтъ? — обращается онъ къ губернатору. — Нѣтъ, бунта никакого не было,—получается въ отвѣтъ,—а это люди, причастные къ политическимъ дѣламъ.—Безакъ вошелъ въ разспросы и, узнавъ, что большинство посажено въ тюрьму очень недавно, рѣзко замѣтилъ: „Такъ это люди, бывшіе на свободѣ и ничего новаго не сдѣлавшіе, а ихъ нахватили ради моего пріѣзда! Совсѣмъ неумѣстное усердіе; мнѣ не нужно такихъ угощеній! Напротивъ, если я чего желалъ бы, то—чтобы эта тюрьма скорѣе опустѣла“. Собранные изъ разныхъ угловъ губерніи арестанты, вслѣдъ затѣмъ, вернулись домой.

Съ мировыми сѣздами Безакъ устраивалъ спеціальныя засѣданія, длившіяся часами. Послѣ личныхъ объясненій съ каждымъ отдѣльнымъ членомъ и разговоровъ объ общемъ ходѣ дѣла онъ требовалъ, на выдержку, чтенія нѣсколькихъ отдѣльных протоколовъ по повѣркѣ уставныхъ грамотъ, входилъ въ обсужденіе частныхъ, разспрашивалъ, давалъ указанія и отмѣчалъ

что-то въ своей записной книжкѣ. Случалось, что, получивъ жалобу помѣщика на мировой съѣздъ, Безакъ призывалъ его въ засѣданіе и, выслушавъ какъ его, такъ и объясненіе съѣзда, тутъ же давалъ рѣшающія указанія, а когда жалоба оказывалась совершенно неосновательною — жалобщикъ получалъ строгое и иногда даже грубое внушеніе.

Встрѣча Безаковой требовательности съ неудовлетворительностью состава нѣкоторыхъ мировыхъ съѣздовъ, о которой сказано было раньше, отразилась послѣдствіями въ самомъ началѣ. Послѣ перваго же объѣзда слышалось объ увольненіи нѣсколькихъ посредниковъ и предсѣдателей, признанныхъ Безакомъ совсѣмъ непригодными. Нашему, тоже неудачному, съѣзду пришлось встрѣтиться съ Безакомъ уже въ самомъ концѣ лѣта, и очень мнѣ памятна сцена этой первой встрѣчи.

На другой день послѣ приѣзда Безака въ Каменецъ и общаго представленія ему, засѣданіе состоялось въ губернаторской залѣ, вечеромъ, и въ очень большомъ составѣ. Присутствовали: губернаторъ, члены губернскаго присутствія, предсѣдатель съѣзда, шесть мировыхъ посредниковъ, а также Воронинъ и Сабанѣевъ. Мы усѣлись, въ-перемежку, вокругъ длиннаго стола. Предсѣдателемъ съѣзда въ это время былъ у насъ робкій чиновникъ, назначенный, по губернаторской протекціи, изъ секретарей губернскаго присутствія, вполне обезличенный продолжительною канцелярскою школою. Онъ съ самаго начала растерялся, и когда Безакъ, положивъ предъ собою записную книжку съ именнымъ спискомъ членовъ съѣзда, сталъ его спрашивать, — отвѣчалъ на нѣсколько вопросовъ совсѣмъ невпопадъ, чѣмъ сразу произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе. „Ну, видно, отъ васъ я ничего не узнаю“, — отрѣзалъ ему Безакъ, и перешелъ къ посредникамъ; но тутъ впечатлѣнія вышли не лучшія. Нумеромъ первымъ выступилъ старикъ, отставной учитель, вызванный губернаторомъ, по старому знакомству, изъ средней Россіи и ровно ничего не смыслившій въ дѣлѣ. На вопросъ о прежней службѣ, этотъ старецъ отвѣчалъ: „Я, ваше —ство, служилъ двадцать лѣтъ по учѣбной части, четырнадцать лѣтъ — по гражданскому вѣдомству, итого, ваше —ство, тридцать-пять лѣтъ!“ — Есть ли по вашему участку готовые выкупные акты? — спросилъ Безакъ. — „На это, ваше —ство, я отвѣтить не могу, — сказалъ бывшій учитель: — я здѣсь человѣкъ еще новый, надо спросить моего предмѣстника, такъ какъ я вступилъ въ должность только 2 марта“ (а дѣло было 1 сентября). Еще два-три такихъ отвѣта — и Безакъ что-то черкнулъ въ своей записной книжкѣ, сказавъ: „Не-

зачѣмъ было вамъ идти въ посредники, лучше бы оставались въ своей „удобной“ части!“ — Сидѣвшій вблизи Безака членъ губернскаго присутствія увѣрялъ потомъ, что ему удалось разглядѣть отмѣтку Безака: противъ имени бывшаго учителя въ книжкѣ выставленъ былъ—нуль. Когда очередь дошла до одного изъ маіоровъ, послѣдній все уклонялся точно опредѣлить мѣсто прежняго своего служенія, отдѣляясь тѣмъ, что служилъ „по военному вѣдомству“. Послѣ повторительныхъ вопросовъ, Безакъ замѣтилъ ему: „А, догадываюсь; вы конфузитесь сказать, что служили по комиссаріатскому или провіантскому штату; понятно!“ На вопросъ, есть ли по участку готовые выкупные акты, маіоръ развязно отвѣчалъ:—Есть, по такому-то селенію, и даже утвержденный губернскимъ присутствіемъ. — „А назначено ли по этому акту пониженіе выкупныхъ платежей?“ — Точно такъ,—поспѣшилъ отвѣтить маіоръ, надѣясь, что Безакъ этимъ удовлетворится, но вышло не то. „Такъ ли это?“—обратился Безакъ къ члену губернскаго присутствія. Тотъ, изъ жалости къ маіору, поторопился подтвердить. „А прикажите-ка подать журналъ губернскаго присутствія по этому дѣлу—тамъ виднѣе будетъ!“ — произнесъ Безакъ. Принесли журналъ—и никакого пониженія не оказалось. „Что же это—вы, значить, неправду мнѣ сказали!—внушительно замѣтилъ Безакъ и прибавилъ по адресу маіора:—И вамъ лучше бы сидѣть попрежнему въ провіантскомъ штатѣ!“ — Пошли дальнѣйшія объясненія, и неудачи продолжали преслѣдовать обезкураженныхъ посредниковъ. Иные вопросы встрѣчали со стороны посредника продолжительную паузу. Видя натянутость положенія и чтобы выручить одного товарища, я попробовалъ-было отвѣтить за него, но Безакъ и меня сейчасъ обрѣзалъ: „Вѣдь это не вашъ участокъ; отвѣчайте, когда я буду спрашивать о вашемъ; каждый пусть отвѣчаетъ за себя“. — Видно было, что въ этотъ моментъ онъ имѣлъ въ виду личный экзаменъ.

Безакъ уже настроился неблагопріятно. Началось чтеніе повѣрочныхъ протоколовъ, и онъ сталъ дѣлать недовольныя замѣчанія, почему то или другое такъ, а не иначе. Предсѣдатель нашъ давно уже умолкъ и съ трепетомъ выжидалъ конца засѣданія, а Безакъ пересталъ даже обращаться къ нему. Пришло къ тому, что, говоря о дѣлахъ сѣзда, онъ сталъ уже обращаться лично ко мнѣ, спрашивая о разныхъ сторонахъ дѣла и давая свои указанія. Только разъ еще обратился онъ къ предсѣдателю, но какъ! Замѣтивъ, среди объясненій со мною, что меня затрудняетъ шляпа, которую я держалъ въ рукѣ, между

собою и столомъ, Безакъ сказалъ: „Вамъ, кажется, шляпа мѣшается? Господинъ предсѣдатель, потрудитесь прибрать ее“!— Тотъ съ усердіемъ бросился ко мнѣ и исполнилъ начальническое порученіе, поставивъ шляпу на сосѣдній столикъ.

Изъ разговоровъ съ Безакомъ выяснилось, что онъ вовсе не считаетъ преподавныя губернскимъ присутствіемъ для пониженія выкупныхъ платежей нормы безусловно обязательными, и, по его мнѣнію, мировые съѣзды должны, не стѣсняясь этими нормами, самостоятельно сообразоваться со всякими условіями крестьянской состоятельности, считаясь и съ цѣнностью окрестныхъ земель вообще, и съ мѣстными арендными платами, и съ размѣромъ платежей сосѣднихъ крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, и т. д. Этимъ онъ уже развязывалъ руки и давалъ возможность ставить вопросъ шире.

Среди объясненій по этому предмету, поддакивалъ Безаку и Сабанѣевъ. На другой день, въ разговорѣ съ послѣднимъ, я напомнилъ ему, какъ еще на большомъ весеннемъ съѣздѣ въ Каменцѣ ¹⁾ я проводилъ мысль о необходимости ставить пониженіе платежей въ зависимость еще отъ величины надѣла, крайне вліятельной для крестьянской состоятельности, и что это обстоятельство особенно важно въ нашемъ уѣздѣ, гдѣ почва земли большею частью безукоризненна, а надѣлъ малъ, отчего соблюденіе нормъ губернскаго присутствія не устраняетъ платежной несостоятельности. „Ну, что-жъ, вотъ вы и ввели бы этотъ пунктъ въ практику вашихъ пониженій!“ — отвѣчалъ Сабанѣевъ. — Да не вы ли сами такъ рѣшительно противорѣчили мнѣ по этому пункту на съѣздѣ, и не оттого ли съѣздъ и губернское присутствіе исключили размѣръ надѣла изъ числа поводовъ къ пониженію? — упрекнулъ я его. Но Сабанѣевъ впалъ уже въ чиновничью уклончивость: „Что-жъ, мало ли что говорится, а вы соображайте — какъ лучше“.

Во всякомъ случаѣ, вышло, что указанія присутствія уже подлежатъ ступенкѣ и что нечего было особенно затрудняться ими и раньше. Попытка систематизировать пониженіе не удалась, и усмотрѣніе для каждаго отдѣльнаго случая получило просторъ.

Засѣданіе наше затянулось далеко за полночь. Слова Безака ясно показывали, что онъ относится съ самымъ заботливымъ участіемъ ко всѣмъ сторонамъ крестьянскаго устройства, требуя отъ всѣхъ такой же заботливости и понимая все значеніе дан-

¹⁾ См. главу V статьи: „Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ“.

наго момента, когда закладывалось основаніе экономической будущности сельскаго населенія. Онъ останавливался на вопросахъ и о выгонахъ, и о водопояхъ, и т. д. Конечно, личное его знакомство съ деревенскими хозяйственными условіями было невелико, и во многомъ ему приходилось прибѣгать къ чужимъ объясненіямъ, но тутъ замѣтно выдавались усилія поглубже вникать въ дѣло, чтобы судить самостоятельно. Становилось ясно, что старанія о лучшемъ обезпеченіи крестьянъ теперь встрѣтятъ уже въ генераль-губернаторѣ всю необходимую поддержку. Когда нашъ съѣздъ былъ уже отпущенъ, въ залѣ съ Безакомъ остались еще члены губернскаго присутствія, и тутъ, по рассказамъ ихъ, пошли аттестаціи нашему съѣзду. „Что это за съѣздъ?—обратился Безакъ къ губернатору:—семь человѣкъ—и большинство не въ состояніи даже толкомъ объясниться; я могъ говорить только съ однимъ. А особенно хорошъ предсѣдатель, который боится даже ротъ разинуть; я все время глядѣлъ на него и удивлялся—неужели это руководитель“!

Члены нашего съѣзда стали серьезно опасаться за свою участь; однако, въ первое время послѣ засѣданія не вышло ничего рѣшительнаго, и лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подверглись увольненію бывшій дѣятель „учобной“ части и майоръ.

Уѣзжая изъ Каменца въ уѣзды, Безакъ еще увеличилъ свою свиту, взявъ съ собою спеціальныхъ членовъ губернскаго присутствія, чтобы, съ ихъ помощью, расширить предѣлы ревизіи съѣздовъ и выслушивать больше мнѣній. Вышла цѣлая экспедиція, и много пришлось потомъ слышать рассказовъ о ней. Обращая особенное вниманіе на личный составъ, Безакъ относился съ большимъ довѣріемъ къ людямъ молодымъ и интеллигентнымъ, выражаясь, въ кругу своихъ спутниковъ, такъ: „Крестьянское дѣло—дѣло новое, живое; для него нужны свѣжія силы, способныя войти въ его интересы; а на старыхъ служакахъ, привычныхъ къ давнимъ порядкамъ, тутъ не далеко уѣдешь“.

Съ этого времени уже почувствовалось, что инициатива вопросовъ крестьянскаго дѣла, долго принадлежавшая фактически самимъ учрежденіямъ по этому дѣлу и исходившая, главнымъ образомъ, изъ нравственныхъ мотивовъ участія къ населенію, уходитъ изъ ихъ рукъ въ Кіевъ, гдѣ облекается въ начальственную требовательность, проявляя себя энергично и принимая даже понукательныя формы. Стремленія прежнихъ инициаторовъ могли совпадать съ генераль-губернаторскими, но главная сила была уже не въ нихъ, а въ этихъ послѣднихъ. Едва возникнетъ какой-нибудь второстепенный вопросъ—его уже двигаютъ изъ Кіева, а учрежденіямъ

остается исполнительная роль да добавочное освѣщеніе дѣла. При такихъ условіяхъ, направленіе почти совсѣмъ объединилось, такъ что стали дѣйствовать однообразно и люди, искренно расположенные къ хорошему устройству крестьянъ, и чиновники-политиканы, и бывшіе представители оппозиціи.

При всемъ томъ, дѣло пошло еще не такъ успѣшно, какъ можно было ожидать. Съ осени стало уже поступать въ губернское присутствіе много выкупныхъ актовъ, но тутъ выступила своя техника. Значительная часть актовъ приходила въ настолько неудовлетворительномъ видѣ, что возвращалась обратно въ мировые сѣзды для дополненій и исправленій. Самъ по себѣ, выкупной актъ, конечно, составлялъ немудрую ариѳметическую задачу, требовавшую знаній не далѣе именованныхъ чиселъ, дробей и капитализаціи суммъ изъ опредѣленнаго процента; въ немъ обозначалось: сколько земли у крестьянъ считалось до повѣрки, что оказалось по измѣренію, сколько земли прибавлено, какая часть ея облагается и не облагается платежомъ, сколько десятинъ окончательно поступаетъ на выкупъ, какое назначено пониженіе платежей, каковъ окончательный размѣръ платежа за весь надѣлъ и какая получается, по его капитализаціи, выкупная сумма. Но иные посредники и тутъ умѣли напутать. Главныя же затрудненія состояли не въ этомъ, а въ подготовкѣ повѣрочными протоколами и планами, долженствовавшими ясно доказывать, что въ выкупномъ актѣ слѣдуетъ быть именно тѣмъ цифрамъ, какія въ немъ значились. Съ опредѣленіемъ состава надѣла и платежей связывалось не мало сложныхъ требованій. Нужно было ясно показать, всѣ ли указанія на разыскиваемое инвентарное владѣніе достаточно разслѣдованы, отчего та или другая крестьянская претензія удовлетворена или отвергнута и чѣмъ опровергаются помѣщичьи возраженія? Такъ какъ правилами требовалось, чтобы новые крестьянскіе платежи не превышали оцѣнки старой инвентарной повинности, то во многихъ случаяхъ нужно было приведеніе сравнительныхъ данныхъ по отдѣльнымъ дворамъ. Вообще, нужно было полное согласіе между данными выкупного акта, плана, исправленной уставной грамоты и повѣрочнаго протокола, чтобы не оставалось недоразумѣній—что именно и въ какихъ границахъ выкупается. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ часто оказывались недомолвки, сбивчивость, а иногда и существенныя прорѣхи,—словомъ, хромала бумажная сторона дѣла. По такимъ причинамъ, а иногда и вслѣдствіе большой канцелярской требовательности присутствія, нѣкоторые сѣзды загромождались возвращенными дѣлами. Все это сильно безпо-

коило Безака, получавшаго о ходѣ дѣла частыя періодическія свѣдѣнія. Всю зиму и слѣдующую весну губернское присутствіе неустанно работало надъ разсмотрѣніемъ выкупныхъ актовъ. Нашъ съѣздъ, при большемъ объединеніи усилій и взаимныхъ совѣтахъ, за зиму успѣлъ настолько, что, по движенію дѣла, скоро сталъ однимъ изъ первыхъ. Но если въ однихъ уѣздахъ дѣло успѣшно налаживалось, то въ другихъ рѣшительно затормазилось, такъ что ни письменныя указанія губернскаго присутствія, ни опасенія кіевской грозы не помогали.

Къ новому году послѣдовали уже болѣе крупныя административныя перемѣны. Губернаторъ Сухотинъ, не сойдясь съ Безакомъ, оставилъ свой постъ, получивъ другое назначеніе, а незадолго предъ тѣмъ уволенъ былъ не мало тормазившій дѣло членъ губернскаго присутствія Э., и ушелъ другой членъ, совершенно безличный, признавшій дѣло непосильнымъ для себя. Новыя назначенія вышли уже болѣе подходящія къ интересамъ дѣла. Губернаторомъ назначенъ былъ Горемыкинъ (впослѣдствіи иркутскій генераль-губернаторъ), человѣкъ дѣятельный, относившійся къ интересамъ крестьянскаго дѣла гораздо участливѣе своего предмѣстника; а членами присутствія назначены, изъ болѣе удачныхъ предсѣдателей съѣздовъ, Якубовичъ и Ушинскій (братъ извѣстнаго педагога).

Какъ только приблизилось лѣто 1866 года, Безакъ опять появился въ уѣздахъ, выражая, по ходу дѣлъ, въ однихъ мѣстахъ довольство, а въ другихъ—порицанія. Въ Каменецъ онъ пріѣхалъ уже съ массою замѣчаній въ запасѣ. Опять собрались мы въ губернаторской залѣ, не досчитываясь кое-кого изъ прежняго состава; но такъ какъ въ нашемъ съѣздѣ дѣло было уже почти закончено, то новое засѣданіе прошло гораздо благополучнѣе прежняго. На слѣдующій день засѣданіе было назначено уже съ однимъ губернскимъ присутствіемъ, и тутъ предстояло рѣшеніе участи менѣе умѣлыхъ съѣздовъ. Безакъ уже высказывался, что если гдѣ дѣло не идетъ, то это должно означать, что или плохъ руководитель, или не годятся ближайшіе работники; слѣдовательно, надо или перемѣнить предсѣдателя съѣзда, или обновить весь составъ посредниковъ. Такъ онъ и поступилъ. Въ двухъ уѣздахъ уволены были всѣ посредники, а въ третьемъ—удаленъ предсѣдатель, на мѣсто котораго Безакъ назначилъ меня. Еще черезъ день потребованы были бывшіе въ городѣ предсѣдатели, и мнѣ снова пришлось явиться къ Безаку уже въ качествѣ представителя другого съѣзда. Послѣ непродолжитель-

ной бесѣды о необходимости ускорить ходъ дѣла, Безакъ завершилъ такъ:

— Я обѣщаль Государю, что повѣрочное дѣло въ краѣ будетъ кончено въ нынѣшнемъ году; значить, отъ васъ, господа, зависитъ не сдѣлать меня лгуномъ!—Съ этимъ онъ откланялся и ушелъ въ свой кабинетъ.

Въ Волыни, около того же времени, разогнанъ былъ весь луцкій съѣздъ и удалены разомъ два члена губернскаго присутствія.

Трудность положенія, послѣ отъѣзда Безака изъ Каменца, особенно пришлось почувствовать мнѣ. Другіе предсѣдатели остались въ своихъ уѣздахъ, гдѣ дѣло было хорошо имъ знакомо и ими же велось, а мнѣ предстояло, только-что закончивъ работу въ одномъ уѣздѣ, сейчасъ же браться за другой, запущенный, о положеніи дѣлъ въ которомъ я зналъ лишь по слухамъ, и при краткости срока, даннаго на окончаніе дѣла. Мнѣ нѣсколько помогло только то, что я могъ набрать изъ прежняго своего съѣзда освободившихся землемѣровъ и усилить ими свой межевой составъ ¹⁾. Но даннаго намъ Безакомъ словеснаго напутствія оказалось еще мало. Мѣсяца полтора спустя, получилъ я еще прямо изъ Кіева новый Безаковскій запросъ: надѣюсь ли я справиться съ дѣломъ до конца года? Я могъ отвѣтить только обѣщаніемъ приложить къ тому всѣ усилія, не принимая на себя безусловнаго ручательства,—и Безакъ этимъ удовлетворился, не дѣлая новыхъ напоминаній.

1865 и 1866 годы были періодомъ самой горячей дѣловой работы крестьянскихъ учрежденій, безъ передышки, и все это время побуждающая дѣятельность генераль-губернатора не ослабѣвала, а личное его участіе къ крестьянскимъ интересамъ не обнаруживало колебаній. Напротивъ, казалось, будто принятое имъ направленіе даже крѣпнетъ и развивается. Глядя на это, многимъ приходилось задаваться вопросомъ: откуда берется эта забота о крестьянахъ въ человѣкѣ, большая часть карьеры котораго прошла въ военной сферѣ, да еще въ суровую николаев-

¹⁾ Припоминаю одинъ бывшій при этомъ, характерный для тогдашняго чиновничества, служебный разговоръ. Секретарь губернскаго присутствія, старый чиновникъ, искусившійся въ служебной философіи, уговаривалъ меня взять въ старшіе землемѣры съѣзда его протежѣ. Я отказывался, зная послѣдняго какъ незавиднаго техника. „Вы то возьмите во вниманіе,—настаивалъ секретарь,—что вѣдь онъ недавно перешелъ изъ католиковъ въ православіе“.—Если онъ мѣнялъ вѣру изъ служебнаго разсчета, то чѣмъ же онъ хорошъ?—возразилъ я. „Нѣтъ,—замѣтилъ секретарь,—тутъ надо разсуждать иначе: если человѣкъ для правительства даже вѣры не пожалѣлъ, то на кого же начальству надежнѣе положиться“!

скую эпоху? Сравненіе съ тогдашнею административною практикою сѣверо-западнаго края объясненій не давало. Въ Вильнѣ человѣкъ, уже заявившій себя прежде антипатіею къ освобожденію крестьянъ, главнымъ образомъ стремился къ подрыву польскихъ пановъ, а у Безака проявлялась заботливость о самихъ крестьянахъ, выражавшаяся и тамъ, гдѣ ихъ интересы не сталкивались съ помѣщичьими. Такой враждебной энергіи противъ польскаго элемента, какъ въ сѣверо-западномъ краѣ, у Безака тоже не замѣчалось,—скорѣе видны были большее обладаніе чувствомъ мѣры и обдуманная воздержность отъ ненужныхъ эксцессовъ. Нельзя было также сказать, чтобы облегчительныя для крестьянъ мѣры Безакъ считалъ примѣнимыми только къ западному краю. Разъ, говоря о пониженіи платежей, онъ высказался: „Вотъ, у меня въ полтавской губерніи есть имѣніе,—еслибы тамъ понизили крестьянскіе платежи, я бы не возражалъ“.

Повидимому, правильнѣе объясняли тѣ, которые многому въ дѣятельности Безака приписывали смѣшанное происхожденіе. Умъ давалъ ему понять дѣйствительное значеніе крестьянскаго дѣла; не оставалось безъ вліянія на него современное общественное движеніе, а кромѣ того не мало тутъ дѣйствовало и самолюбіе. Прорывалось въ немъ выраженіе сознанія, что хорошее устройство крестьянъ — дѣло славное, дающее право на историческую страницу, да и въ лучшей части современнаго общества встрѣтитъ сочувственный откликъ. Чутко относился онъ къ печати и при массѣ работы, даже среди объѣздовъ края, находилъ время читать и бесѣдовать о прочитанномъ. Когда появится, бывало, какая-нибудь статья о краѣ—уже требуются объяснительныя свѣдѣнія. Ставъ на опредѣленный путь, онъ уже въ собственномъ самолюбіи встрѣчалъ побужденіе не колебаться, и то же самолюбіе поддерживало въ немъ соотвѣтствующую самостоятельность, вслѣдствіе которой Валуевское министерство, во все управленіе Безака, не оказывало почти никакого вліянія на ходъ дѣла въ юго-западномъ краѣ.

Вообще, такъ какъ высказываться о своихъ мотивахъ самъ Безакъ былъ неохочъ, то судить объ источникахъ его образа дѣйствій приходилось только по совокупности догадокъ наблюдавшихъ его слова и дѣйствія. Но если и много было данныхъ въ пользу того, что имъ руководилъ такъ или иначе сложившійся самостоятельный взглядъ на крестьянское дѣло, то оставался еще большой вопросъ, насколько глубоко простирается его сила? Удержать ли Безакъ свое направленіе въ случаѣ появленія сильныхъ противныхъ вѣтровъ изъ Петербурга? Но на это

практикѣ не пришлось дать яснаго отвѣта, потому что такихъ вѣтровъ, въ теченіе наибольшаго времени его управленія, не было, а преодолѣніе сравнительно слабыхъ скорѣе укрѣпляло, чѣмъ колебало рѣшительность Безака, и онъ успѣлъ умереть, не сойдя съ принятаго пути. Большія сомнѣнія возбуждало также—насколько вообще можетъ быть прочно у насъ такое направленіе, какое было усвоено Безакомъ; и на это чувствовался уже прямо отрицательный отвѣтъ, приводившій къ заключенію, что надо дорожить даннымъ положеніемъ, пока оно держится, а потому—спѣшить завершеніемъ всѣхъ работъ.

Во всякомъ случаѣ, замѣчателенъ фактъ, что никто изъ администраторовъ не сдѣлалъ для крестьянства столько, какъ этотъ прошедшій долгую Николаевскую школу старый генералъ, съ его рѣзкими, грубоватыми пріемами. Много значило для дѣла то, что въ столь важную эпоху ему удалось пробыть на одномъ посту четыре года. Нѣкоторый праздникъ былъ въ это время на крестьянской улицѣ, и ясно чувствовалось, что значитъ въ нашихъ государственныхъ дѣлахъ личное свойство. Изъ преемниковъ Безака участливъ былъ къ крестьянамъ еще генералъ Дрентельнъ, но не было тутъ такой умѣлости, да и окружавшіе люди и условія были уже не тѣ.

Отрицательную черту Безака представляли проявленія внѣшней грубости—наслѣдіе старой жизненной школы. Гдѣ онъ встрѣчалъ, напримѣръ, противодѣйствіе, да еще на дурной подкладкѣ, онъ способенъ былъ выходить изъ себя. Какъ одинъ изъ выдающихся примѣровъ подобнаго рода, могу привести разность ямпольскаго помѣщика М—скаго. Этотъ послѣдній, при устройствѣ выкупа еще раньше Безаковскаго управленія, сильно обидѣлъ крестьянъ, да еще при такихъ обстоятельствахъ, которыя при разслѣдованіи могли дать поводъ къ уголовному преслѣдованію. Безакъ, при личномъ объясненіи съ М—скимъ, предложилъ ему исправить выкупъ значительными уступками въ пользу крестьянъ, но скупой помѣщикъ упрямился, сталъ торговаться и наговорилъ чего-то лишняго. Безакъ вскипѣлъ, перешелъ въ обращеніи къ нему на „ты“, грозилъ тюрьмою и такъ раскричался, что М—скій не зналъ куда дѣваться. Исторія эта сейчасъ же разгласилась въ окрестности. Скоро послѣ того Безакъ пріѣхалъ въ мой уѣздъ и, разговорившись послѣ доклада о дѣлахъ, коснулся этого случая. „Вы слышали, какъ я пробралъ въ ямпольскомъ уѣздѣ М—скаго?“ — спросилъ онъ меня. — Да, слышалъ,—отвѣтилъ я.— „Этотъ негодяй надѣлалъ такихъ гадостей, которыхъ простить ему нельзя. Скажите, нѣтъ ли и въ вашемъ уѣздѣ

кого-нибудь такого, кто нуждается въ подобномъ внушеніи?“ — Я отвѣтилъ, что такихъ нѣтъ, и я надѣюсь, что въ моемъ уѣздѣ дѣло обойдется безъ исключительныхъ пріемовъ. „Ну, какъ знаете, — сказалъ Безакъ; — мнѣ и самому такія исторіи очень непріятны, да безъ нихъ иногда обойтись нельзя“.

Однако, вышло разъ нѣчто подобное и въ моемъ уѣздѣ. Управляющій имѣніями очень крупнаго владѣльца, жалуясь на рѣшенія мирового съѣзда, черезчуръ поусердствовалъ и высказывалъ прямую ложь, доходя до увѣреній, будто мировой съѣздъ вовсе и на мѣстѣ не былъ, ничего не осматривалъ, а дѣлалъ свои постановленія зря, тогда какъ на самомъ дѣлѣ всѣ осмотры и опросы происходили въ присутствіи не только его самого, но и огромной толпы крестьянъ и помѣщичьихъ служащихъ. Фактическая сторона жалобы сразу являлась невѣроятною, но Безакъ все-таки поручилъ дознаніе члену губернскаго присутствія, Якубовичу, который немедленно разоблачилъ ея нелѣпость на мѣстѣ. Безакъ около этого времени былъ въ губернскомъ городѣ, и когда дознаніе ему докладывалось, а жалобщикъ явился въ пріемную, то Безакъ, среди слушанія доклада, два или три раза требовалъ его къ себѣ для рѣзкихъ внушеній, обращаясь къ нему на „ты“ и заключая окрикомъ: „вонъ“!

Слѣдуетъ еще прибавить, что въ особыхъ случаяхъ не чуждъ былъ Безакъ и дѣловой политики. Было въ краѣ нѣсколько имѣній, принадлежавшихъ людямъ вліятельнымъ, съ большими связями въ высшихъ сферахъ, и тутъ Безакъ очень озабочивался тѣмъ, чтобы при устройствѣ крестьянъ не вызывалось помѣщичьяго недовольства. Въ кievской губерніи такими имѣніями были, напр., принадлежавшія гр. Бобринскому, а въ подольской — Строгановыхъ немировское имѣніе. Словомъ, существовала группа владѣній, казавшихся въ привилегированномъ положеніи, и участь крестьянскаго дѣла тамъ возбуждала общій интересъ. Задавались вопросомъ — будетъ ли допущена для этихъ имѣній исключительность и въ какой мѣрѣ? Распространялись слухи, что въ иныхъ изъ этихъ имѣній инвентарная земля восстановлена была не въ полномъ размѣрѣ. Въ одномъ, ходившемъ по рукамъ, шуточномъ стихотвореніи о ходѣ крестьянскаго дѣла, встрѣчалось даже по поводу большого кievскаго имѣнія такое мѣсто:

„Знать, подъ флагъ инвентарный
Не вся тутъ попала мірская земля“...

Повѣрочный процессъ выполнялся въ такихъ имѣніяхъ, какъ вездѣ; назначалось и пониженіе выкупныхъ платежей,—только Безакъ нерѣдко его сокращалъ. По подобнымъ имѣніямъ онъ большею частью пользовался работою не Воронина или Сабанѣва, а людей другого рода, больше тянувшихъ въ помѣщичью сторону,—напр., Краинскаго или Красовскаго. Я слышалъ отъ члена кіевскаго губернскаго присутствія, Богославскаго, что, при разсмотрѣніи дѣла по нѣкоторымъ кіевскимъ имѣніямъ, Безакъ прямо высказывался за необходимость уступчивости помѣщичьимъ желаніямъ, говоря такъ: „Въ интересахъ общаго дѣла нельзя обходиться безъ частныхъ жертвъ, а тутъ надо считаться съ силою, которая можетъ повредить всему дѣлу; не уступимъ здѣсь—можно потерять больше“.

Въ нашей губерніи „особеннымъ“ дѣломъ представлялось немировское. Въ крѣпостную эпоху, мѣстечко Немировъ и группа окрестныхъ селеній принадлежали польскому владѣльцу, гр. Потоцкому, который предоставилъ крестьянамъ большія земельныя выгоды при сравнительно легкихъ повинностяхъ. Еще въ 1849 году онъ перевелъ крестьянъ на денежный оброкъ, по 90 коп. съ морга земли (1 р. 62 к. за десятину), причемъ требовалъ еще по 8 строительныхъ дней съ двора въ годъ, за что отпускался крестьянамъ лѣсной матеріалъ на постройки и топливо. За всѣ же работы сверхъ этой нормы платилось крестьянамъ деньгами. Полевая земля отведена была крестьянамъ удобно, при самыхъ усадьбахъ, почему нѣкоторые хозяева даже соединили ихъ съ послѣдними. У иныхъ крестьянъ образовались цѣльные участки въ 9, 11 и 14 десятинъ. Имѣніе потомъ перешло въ другія руки. При введеніи же уставныхъ грамотъ, крестьянскую повинность признали не денежною, а смѣшанною, и на этомъ основаніи подвели подъ общую норму „Положеній“, по которой каждая полевая десятина, даже за скидкою 20 процентовъ по обязательному выкупу, облагалась 2 р. 64 коп., т.-е. слишкомъ на рубль выше прежняго. Часть же слившейся съ усадьбами полевой земли оцѣнили по усадебной, т.-е. высшей оцѣнкѣ. Такое положеніе въ нѣкоторыхъ селеніяхъ закрѣплено было и выкупомъ (Журналъ Врем. Коммиссіи, № 296, отъ 28 ноября 1864 года). Какъ только подошло время взысканія выкупныхъ платежей, у крестьянъ начались волненія, и возникъ вопросъ о преувеличенности повинностей. Выросло щекотливое дѣло. По особому вниманію къ владѣльческой сторонѣ, оно съ самаго начала сдѣлалось предметомъ высшаго административнаго участія. Еще до назначенія Безака, въ 1864 году, приѣз-

жалъ по этому дѣлу изъ министерства въ подольскую губернію чиновникъ Маковъ (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ), но изъ его работы ничего не вышло, и кончать это дѣло пришлось уже при Безакѣ.

Когда Безакъ озабочивался улаженіемъ немировскаго дѣла, подвернулся съ своими услугами одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, Э., и ему удалось вызвать въ Безакѣ надежду на свое умѣнье повести дѣло такъ политично, что обѣ стороны останутся довольны и придутъ къ полному миру. Безакъ повѣрилъ и командировалъ Э. въ Немировъ, но самонадѣянность этого дѣятеля увѣнчалась полнымъ проваломъ. Онъ перемудрилъ, обратившись къ такимъ замысловатымъ способамъ вызова крестьянскаго довѣрія, которые, напротивъ, разрушали это довѣріе,—и вышелъ громкій скандалъ. Въ первыхъ числахъ декабря 1865 года получаетъ Безакъ изъ Немирова телеграмму такого содержанія: „Э., уладивъ немировское дѣло миролюбивымъ соглашеніемъ, въ день своихъ именинъ, на обѣдѣ, данномъ ему крестьянами, пьетъ за здоровье генераль-губернатора“. Впечатлѣніе произведено въ Кіевѣ крайне благопріятное: такъ быстро уладить щекотливое дѣло мирнымъ путемъ — своего рода подвигъ. Но вдругъ — рѣзкій поворотъ. Черезъ нѣсколько дней оттуда же получается вѣсть иного рода: „Немировскіе крестьяне бунтуютъ, ни на что не соглашаются, и для усмиренія ихъ нужна воинская сила“. Щекотливое дѣло разомъ стало еще щекотливѣе. Обрисовались не въ мѣру мудреные приемы умиротворенія, и Безакъ пришелъ въ полное раздраженіе. Э. немедленно былъ уволенъ отъ службы, и задачу его пришлось поручить болѣе прямому человѣку, члену губернскаго присутствія, Ушинскому, который послѣ долгихъ хлопотъ и довелъ немировское дѣло до конца. По словамъ Ушинскаго, крестьяне тутъ все-таки получили пониженіе выкупныхъ платежей болѣе 20 процентовъ.

О. Воропоновъ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

1865—68 гг.

Окончаніе.

III *).

ОТНОШЕНІЕ САМИХЪ КРЕСТЬЯНЪ КЪ ИХЪ УСТРОЙСТВУ.

Изложивъ, какъ велось крестьянское дѣло, какъ относились къ нему мировыя учрежденія, высшая мѣстная администрація и помѣщики, посмотримъ теперь, какъ относились сами крестьяне къ заботамъ о нихъ. Судя потому, что для нихъ въ это время дѣлалось, можно бы, казалось, ожидать вездѣ ихъ довѣрія и большихъ симпатій къ стоявшимъ около нихъ учрежденіямъ. Но на дѣлѣ это не часто встрѣчалось. Самому искреннему участію къ крестьянамъ нерѣдко приходилось считаться не только съ ихъ непониманіемъ, но и съ тѣмъ огромнымъ капиталомъ недоовѣрія и подозрительности къ людямъ верхняго класса вообще, какой накопился въ темной народной массѣ въ теченіе вѣковъ.

Въ газетахъ того времени, при похвалахъ тѣмъ или другимъ администраторамъ, не разъ, бывало, встрѣчалось: такой-то сразу успѣлъ пріобрѣсти общее довѣріе крестьянскаго населенія!

*) См. выше: янв., 289 стр.

Подобный тонъ усвоивался на мѣстахъ даже официальной перепискою. Нерѣдко получали, напримѣръ, мировые посредники начальственные предложенія склонить крестьянъ къ какому-нибудь „участию“, „содѣйствію“ или пожертвованію, причемъ бумаги эти заканчивались въ такомъ родѣ: „въ полной увѣренности, что пріобрѣтенное вами нравственное вліяніе на крестьянъ“ и т. д. Адресовались подобныя бумаги не только къ людямъ, дѣйствительно заботившимся о населеніи, но и къ посредникамъ въ родѣ изображенныхъ уже прежде майоровъ и двучлиныхъ чиновниковъ, и своеобразны выходили результаты: внѣшнія выраженія довѣрія чаще достигались у майоровъ и чиновниковъ. Въ одно время возмущались, бывало, за дѣло майора и настоящій участливый человѣкъ, а послѣ, смотришь, первый добился всякихъ „склоненій“ и „содѣйствій“, а послѣдній остался ни при чемъ. Разгадка, конечно, была проста: одинъ дѣйствовалъ начальническимъ давленіемъ и больше приказывалъ, а другой искалъ сознательныхъ рѣшеній массы, давая ей понимать, что она должна поступить совершенно добровольно. Не очень много требовалось опыта для убѣжденія, что „сразу пріобрѣтаютъ“ довѣріе и нравственное вліяніе только на бумагѣ. А чтобы на самомъ дѣлѣ достигнуть чего-либо подобнаго—надо не только много потрудиться, но и пережить не мало тяжелыхъ ощущеній, встрѣчая подозрительность и натянутость отношеній съ той самой стороны, на которую обращалась полная доброжелательность. Элементу, заботившемуся въ данное время о крестьянахъ, приходилось расплачиваться за глубокія послѣдствія дѣяній прежнихъ поколѣній, и нельзя было даже особенно негодовать на встрѣчаемый недостатокъ довѣрія, вслѣдствіе признанія его неизбежности и исторической объяснимости. Въ описываемую эпоху крестьяне первый разъ встрѣчались съ дѣйствительною заботою о нихъ самихъ, и это долго вызывало въ нихъ особаго рода недоумѣнія: вотъ человѣкъ въ панскомъ сюртукѣ какъ будто хлопочетъ о нашей пользѣ; изъ-за чего это, когда самому ему тутъ пользы не видно никакой? Охъ, нѣтъ ли тутъ какого-нибудь подвоха, не тянетъ ли онъ на панскую сторону, а насъ только морочить!—И подозрительный глазъ на сторожѣ.

Много надо было времени, хлопотъ и фактическихъ результатовъ, чтобы вамъ въ извѣстной степени довѣрилась только часть селеній, а какія именно повѣрятъ—тоже угадать было мудрено. Случалось, что гдѣ для крестьянъ сдѣлано много—тамъ то и выступаетъ явно недовѣрчивое или почти непріязненное отношеніе; а гдѣ сдѣлано гораздо меньше—неожиданно обнару-

живаются явные признаки неподдѣльной благодарности и довольства. Последнее даже большею частью являлось въ видѣ совершенныхъ сюрпризовъ. Тутъ, какимъ-то невидимымъ процессомъ, словно треснула давняя толстая кора подозрительности, а тамъ она еще держится почти во всей прежней неприкосновенности. Не мало значило тутъ и различіе характера населенія отдѣльныхъ деревень. Одна деревня умная, толковая,—другая глуповата; тамъ населеніе болѣе спокойное—здѣсь сварливое и т. д.

Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ массою разнохарактерныхъ селеній и при всякихъ обстоятельствахъ: при полномъ удовлетвореніи ихъ желаній, при отказахъ въ настойчивыхъ и неисполнимыхъ требованіяхъ, при спокойствіи и при сильномъ возбужденіи массы. Случалось даже бороться съ попытками открытаго противодѣйствія. Передать пережитое въ этомъ отношеніи считаю всего лучше приведеніемъ ряда характерныхъ примѣровъ, выводы изъ которыхъ получатся сами собою.

Въ первое время повѣрочной работы отправился нашъ мировой съѣздъ въ одну волость моего участка, заключавшую въ себѣ нѣсколько крупныхъ селеній. Повѣрка первой уставной грамоты шла успѣшно. Крестьяне заявили нѣсколько уважительныхъ поземельныхъ претензій, которыя были удовлетворены при согласіи на то и помѣщичьяго уполномоченнаго. Все казалось ладно, но когда дошло до осмотра земли, то крестьяне сильно пожаловались на неудобство одной полевой смѣны, глинистой и изрытой водомоинами.—Какъ бы намъ обмѣнять эти Гребелькѣ (урочище)?—говорили они. Но Гребелькѣ были землею давняго инвентарнаго владѣнія, слѣдовательно принудительный обмѣнъ этой земли не могъ имѣть мѣста. Мы обратились къ помѣщичьему уполномоченному, и онъ тоже выразилъ согласіе обмѣнять неудобную смѣну на лучшую, затрудняясь только сразу столковаться о подробностяхъ. Начались обоюдные, довольно мирные переговоры, подававшіе надежду, что дѣло кончится добровольнымъ соглашеніемъ. Но такъ какъ сдѣлки подобнаго рода требовали нѣсколько сложнаго процесса (составленія мірскаго приговора двумя третями голосовъ, участія стороннихъ „добросовѣстныхъ“ и т. под.), а подробности намѣченнаго соглашенія еще недостаточно обозначились, то съѣздъ, порѣшивъ всѣ прочіе повѣрочные вопросы, постановилъ поручить мнѣ заняться устройствомъ обмѣнной сдѣлки вслѣдъ за повѣркою, такъ чтобы она могла закончиться до составленія выкупного акта. Переѣзжаемъ въ слѣдующее селеніе—тамъ то же самое: крестьяне просятъ обмѣна части надѣла, по-

мѣщичья сторона согласна и съѣздъ рѣшаетъ по прежнему. Такъ набралось у меня три однородныхъ порученія.

Спустя нѣкоторое время, улучивъ досужные дни, ѣду на мѣсто въ полной надеждѣ, что дѣло устроится и мнѣ останется только оформить соглашеніе. Прибыль туда же помѣщичій уполномоченный; изъ обоюдныхъ объясненій выходитъ, что недоразумѣній по существу нѣтъ. Предлагаю крестьянамъ составить приговоръ, но вдругъ они просятъ дать имъ время еще подумать и поговорить между собою. Даю время; сходъ толковалъ, толковалъ; нѣсколько разъ я то вступалъ съ нимъ въ объясненія, то оставлялъ его совѣщаться безъ меня; шума было много, но дѣло все не клеилось.

— Знаете, мнѣ кажется, вы напрасно даете имъ много говорить, — замѣчаетъ мнѣ помѣщичій уполномоченный, привычный къ прежнимъ порядкамъ. — Лучше просто „прикажите“ имъ обмѣнять землю, а иначе изъ этого, пожалуй, ничего не выйдетъ.

На принужденіе я, конечно, согласиться не могъ, и толки продолжались до вечера. Наконецъ со стороны крестьянъ послѣдовалъ запросъ: — А что, если мы съ паномъ согласимся обмѣнять землю, надо будетъ намъ подписывать? — Я отвѣтилъ, что непременно надо, такъ какъ земельныя сдѣлки на словахъ не кончаются. На это крестьяне объявили, что если нельзя кончить словами, то они подписывать не рѣшатся: пускай все будетъ какъ было, а тамъ посмотримъ. Такъ все и разстроилось изъ одного опасенія подписи. Сосѣднія селенія, глядя на это, поступили точно такъ же, говоря: — Пускай панъ возьметъ себѣ ту землю, что мы отдаемъ, а мы возьмемъ ту, что онъ намъ даетъ, только подписывать не будемъ.

Все осталось по старому. Начались межевыя работы, по плану надѣлъ назначенъ былъ въ прежнихъ мѣстахъ съ рѣшенными добавками, и наконецъ я пріѣзжаю объявлять сторонамъ выкупной актъ на этотъ надѣлъ.

Выслушавъ, крестьяне съ видимымъ огорченіемъ спрашиваютъ:

— Какъ же это, Гребелькѣ опять будутъ за нами?

— Да, за вами; вѣдь вы же не хотѣли обмѣнять.

— Какое тамъ! Мы хотѣли, да подписывать боялись, бѣда намъ съ этими Гребельками, — что мы будемъ дѣлать съ такими горбами, да ярами!

— Ваше дѣло, а безъ подписи нельзя; вѣдь сколько разъ я вамъ толковалъ, что въ подписи ничего нѣтъ страшнаго. На бумагѣ пишется то самое, чего вы хотите; безъ прочтенія вамъ

бумаги подписей не будетъ, и я самъ не подпишу того, на что вы не согласны. Развѣ только вы и мнѣ не вѣрите?

— Гдѣ тамъ! Мы вамъ вѣримъ, а только мы люди „тѣмни“, сами не знаемъ, до чего пристать; все боимся, чтобъ не вышло для насъ какъ-нибудь погано. Вонъ въ такихъ-то селахъ мужики подписывали, и стало имъ не добре. Мы не винны тому, что всего боимся... А чи не можно жъ, чтобъ Гребелькѣ панъ взялъ себѣ?..

Велика была у мужика боязнь пера, бумаги и „даванья рукъ“ тому, кто за него расписывается (не знаю, какъ тамъ теперь). Тѣ разверстанія и обмѣны земель, которые совершались дѣйствительно добровольно, подготовлялись иногда годами и обсуждались сходами въ нѣсколько пріемовъ, до устраненія послѣднихъ сомнѣній и колебаній.

Но въ описанномъ примѣрѣ выступали только темныя опасенія, а въ другомъ было значительно хуже. Во II главѣ статьи „Страница кр. дѣла на ю.-з.“ („Вѣстн. Европы“, іюль, 1901 г.) я рассказывалъ, какъ при первомъ знакомствѣ съ своимъ участкомъ былъ я атакованъ массою крестьянъ, требовавшихъ укрѣпленія за ними отнятыхъ при составленіи выкупныхъ договоровъ фруктовыхъ садовъ. Отнятие это было въ трехъ селеніяхъ, составлявшихъ цѣлую волость. Садовъ было болѣе трехсотъ десятинъ и всѣ они были очень цѣнны, давая большой доходъ отъ прекрасныхъ плодовъ. Я затруднялся сразу обѣщать удовлетвореніе крестьянскимъ настояніямъ, потому что сады отняты были еще до повѣрочной эпохи по выкупнымъ договорамъ, а порядокъ исправленія этихъ договоровъ въ ту пору еще не былъ положительно опредѣленъ закономъ. Крестьянская толпа становилась даже на колѣни, умоляя о возвратѣ садовъ и обѣщая, въ случаѣ выкупа ихъ, молиться за меня и моихъ потомковъ до третьяго поколѣнія. Много меня заботило это дѣло, но послѣ долгихъ переговоровъ и переписки мнѣ удалось наконецъ достигнуть успѣха, такъ что на возвратъ садовъ согласилась и помѣщичья сторона. Спустя года полтора послѣ первыхъ жалобъ, я ѣхалъ въ упомянутую волость уже объявлять выкупные акты на сады, имѣя основаніе ожидать полного крестьянскаго удовольствія. Вышло, однако, не то: крестьяне угрюмо выслушали акты, едва согласились расписаться въ этомъ выслушаніи и въ виду того, что сады отдаются имъ не даромъ, а на выкупъ, т.-е. за платежи, выразили недовольство.

— Сады—наши; диды и батьки наши ихъ „выкохали“ (взлѣляли), за що жъ мы будемъ платить за нихъ!—загудѣла толпа.

Сколько ни разъяснялъ я, что никакая часть надѣла не предоставляется крестьянамъ иначе, какъ на выкупъ, сколько ни напоминалъ стоявшимъ предо мною, какъ они на этомъ самомъ мѣстѣ молили о выкупѣ садовъ, считая его за счастье—толпа не удовлетворялась, продолжая твердить, что сады „наши“—значить, должны быть отданы даромъ. Ропотъ продолжался не малое время, явно показывая, что крестьяне во мнѣ сомнѣваются и думаютъ, что я отдаю имъ сады не такъ, какъ слѣдуетъ, а на условіяхъ, болѣе выгодныхъ для пана. Положимъ, я зналъ, что волость эта всегда отличалась болѣе безпокойнымъ характеромъ, но все-же проявленіе со стороны ея населенія такой подозрительности послѣ долгихъ стараній объ его интересѣ заставляло меня переживать крайне непріятныя ощущенія. Наши переговоры закончились подробнымъ разъясненіемъ съ моей стороны, что если крестьяне выкупными актами недовольны, то могутъ, не пропуская мѣсячнаго срока, принести жалобы губернскому присутствію такимъ-то порядкомъ.

Случилось такъ, что всего черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія этихъ актовъ я былъ назначенъ предсѣдателемъ другого мирового съѣзда, и срокъ для жалобъ истекалъ уже послѣ моего отъѣзда на новое мѣсто. Безпокойные крестьяне сообразили, что теперь со мною церемониться уже нечего, можно за моимъ отсутствіемъ валить на меня что угодно, и рѣшили жаловаться, не пренебрегая эффектами. Какъ только приблизилось истечение срока, они массою двинулись почти за сорокъ верстъ въ городъ и стали предъ домомъ губернскаго присутствія. Вышли къ нимъ два члена присутствія и выслушали цѣлый потокъ словесныхъ изліяній на тему, что прежній мировой посредникъ, т.-е. я, тянулъ руку за паномъ и причинилъ имъ великую обиду, назначивъ имъ сады не даромъ, какъ по ихъ мнѣнію слѣдовало, а на выкупъ, отчего имъ предстоитъ платить деньги за трудъ ихъ дѣдовъ и отцовъ. Вотъ какихъ молитвъ я дождался. Члены присутствія, хорошо знавшіе исторію этого дѣла, возмутились такими разсказами и принялись стыдить толпу.

— Вамъ ли жаловаться, о васъ ли не заботились? Мы хорошо знаемъ ваше дѣло,—вы получили то, чего не имѣетъ ни одно селеніе въ широкой округѣ, и вмѣсто благодарности вы еще говорите небылицы! Какъ у васъ достало совѣсти на такія жалобы?..

Крестьяне пытались нѣкоторое время подержаться въ своей позиціи „обиженныхъ“, ворчали, но подъ конецъ пришли въ смущеніе. Стали смягчать свои жалобы, останавливая болѣе крикли-

выхъ, потомъ замолкли, помялись нѣкоторое время на одномъ мѣстѣ, вопросительно взглядывая другъ на друга, и наконецъ толпа разомъ тронулась и побрела обратно домой.

А невдалекѣ оттуда получившіе гораздо меньше выгодъ обнаруживаютъ совсѣмъ другое отношеніе. Объявляю имъ выкупные акты, объясняю при этомъ порядокъ обжалованія и слышу въ отвѣтъ: „А на чтò же намъ теперь жаловаться?“ — Да вотъ, если вы недовольны тѣмъ, чтò я вамъ объявилъ; если не вѣрите, что для васъ все сдѣлано правильно, то можете въ тридцати-дневный срокъ подать жалобу въ губернское присутствіе. — „Кому жъ намъ вѣрить, — отвѣчаютъ крестьяне — только Богу, да вамъ!“ — И жалобъ нѣтъ. Случалось, что, по выслушаніи акта, иные крестьяне сами просили моего совѣта, подписывать его или нѣтъ? И видя, что вполнѣ сознательно они не могутъ выражать своего довольства, отрѣзывая себѣ подписью путь къ жалобѣ, я даже нерѣдко отвѣчалъ имъ: — Обойдется и безъ вашей подписи; распишитесь только, что слышали объявленное, а за тридцать дней надумаетесь, жаловаться вамъ или нѣтъ.

Бывало, что изъ двухъ смежныхъ селеній съ одинаковыми условіями, принадлежавшихъ одному и тому же помѣщику, одно постоянно мятется, недовольно, недовѣрчиво, а въ другомъ говорятъ съ видимымъ довѣріемъ: — Чтò вы намъ скажете, то мы и сдѣлаемъ.

Въ томъ уѣздѣ, гдѣ я былъ предсѣдателемъ съѣзда, долго тянулось одно казусное дѣло. III—ское имѣніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ значительныхъ селеній, принадлежало очень крупному помѣщику, проживавшему въ другой губерніи, а отъ имени его дѣйствовалъ тотъ самый управляющій, который получилъ отъ Безака грозное внушеніе, изображенное въ предъидущей главѣ. Производя разныя хозяйственныя реформы въ своихъ имѣніяхъ, помѣщикъ въ пятидесятихъ годахъ не церемонился значительно уменьшить и измѣнить крестьянскую инвентарную землю, отчего при повѣркѣ предстояла большая перекройка надѣла. Помѣщичья сторона не отрицала нарушенія инвентарнаго владѣнія, но настаивала на томъ, чтобы возвращаемое крестьянамъ количество земли отведено было не въ старыхъ границахъ, а прирѣзано изъ другой помѣщичьей земли, оправдывая свое притязаніе тѣмъ, что иначе можетъ пострадать вводимое помѣщикомъ улучшенное лѣсоустройство. Повѣрку сначала производило повѣрочное отдѣленіе, которое поддержало помѣщичье желаніе, выразивъ въ своемъ заключеніи, что хотя обстоятельства даннаго дѣла и не подходятъ ни подъ одинъ изъ четырехъ пунктовъ за-

кона, допускавшаго отступленія отъ старыхъ инвентарныхъ границъ (раздѣлъ имѣнія между сонаслѣдниками послѣ инвентарей, продажа изъ имѣнія части земли, переложное хозяйство и возведеніе на отнятой у крестьянъ землѣ цѣнныхъ построекъ), но такъ какъ въ томъ же законѣ есть еще пятый пунктъ, позволяющій прирѣзки къ надѣлу на новыхъ мѣстахъ въ исключительныхъ случаяхъ съ разрѣшенія генераль-губернатора, то интересы помѣщичьяго лѣсного хозяйства и могутъ быть подведены подъ такой исключительный случай. Дошло до Безака, но отвѣтъ отъ него получился рѣзко отрицательный: измѣненіе лѣсного хозяйства онъ призналъ вовсе неподходящимъ къ упомянутому пятому пункту и указалъ, что въ подобныхъ случаяхъ надѣлъ подлежитъ непремѣнному возстановленію въ инвентарныхъ границахъ, на общемъ основаніи.

Нечего дѣлать, повѣрочное отдѣленіе стало намѣчать отводъ надѣла въ старыхъ границахъ по кievскому указанію, но не успѣла эта работа значительно подвинуться впередъ, какъ вдругъ обозначился въ Кіевѣ новый поворотъ. Отъ того же Безака получается предложеніе: хотя-де онъ остается при прежнемъ мнѣніи, но тѣмъ не менѣе считаетъ нужнымъ выяснить, не встрѣчается ли въ дѣлѣ какихъ-либо другихъ поводовъ къ отказу отъ возстановленія старыхъ границъ съ возстановленіемъ только количества прежней земли? Явилось смущающее недоразумѣніе, наводившее на мысль, что Безакъ просто ищетъ благовиднаго предлога къ отмѣнѣ своего прежняго категорическаго рѣшенія. Что послужило поводомъ къ этой перемѣнѣ—мнѣ и теперь неизвѣстно. Повѣрочное отдѣленіе отвѣтило, что новыхъ поводовъ нѣтъ, но Безакъ сталъ проводить свое отступленіе съ прежней позиціи настойчиво. Послѣдовало новее распоряженіе, по которому пересмотръ дѣла о ш—скомъ имѣнии порученъ былъ соединенной коллегіи мирового съѣзда и повѣрочнаго отдѣленія подъ моимъ предсѣдательствомъ.

Тутъ люди, склонные къ политикѣ, стали давать мнѣ совѣты: вамъ-де представляется прекрасный случай угодить генераль-губернатору; вы видите, что онъ измѣнилъ свой взглядъ на ш—ское дѣло, но ему неловко прямо взять назадъ свое мнѣніе; подыщите предлогъ къ отказу отъ старыхъ границъ — и вы дадите ему возможность перерѣшить дѣло, не ставя себя въ щекотливое положеніе. Однако нашъ съѣздъ не пожелалъ прислуживаться, держась той мысли, что если Безакъ хочетъ перемѣнить свое рѣшеніе, то пусть дѣлаетъ это отъ своего имени. Послѣ пересмотра дѣла, мы пришли къ такому заключенію:

такъ какъ ни одного изъ прямо указанныхъ закономъ поводовъ къ отказу отъ инвентарныхъ границъ въ дѣлѣ нѣтъ, то съѣздъ и не можетъ высказаться за этотъ отказъ, а рѣшеніе вопроса, подходятъ ли интересы лѣсоустройства къ пятому пункту — во власти самого генераль-губернатора, который по этому вопросу уже высказался. Не кончилось дѣло и на этомъ: Безакъ поручилъ еще дополнительное дознаніе члену губернскаго присутствія, но и тотъ могъ высказать то же, что и съѣздъ. Только тогда уже Безакъ, прибывъ около этого времени въ Каменецъ, не затруднился прямо заявить, что самъ отказывается отъ своего прежняго мнѣнія. А черезъ нѣсколько дней, прибывъ въ мой уѣздъ, сказалъ мнѣ:—По ш—скому дѣлу я свое рѣшеніе перемѣнилъ; прирѣжьте крестьянамъ то слѣдуетъ изъ другой помѣщичьей земли, такъ чтобы имъ было удобно, а за измѣненіе границъ назначьте имъ добавочное пониженіе платежей; я знаю, что у васъ крестьяне обижены не будутъ, и ваше рѣшеніе утвержу.

Итакъ, пришлось отвести крестьянамъ земельную добавку на новыхъ мѣстахъ, замѣнивъ, между прочимъ, лѣсной покосъ полевою землею. Но всѣ перипетіи этого дѣла протянулись болѣе года, и смѣны ожиданій успѣли порядочно взволновать крестьянскую массу. У нея сомнѣнія складывались вполне естественно: если разъ порѣшили такъ, а въ другой иначе, то которое же изъ рѣшеній по настоящему закону? И, при своей темнотѣ и подозрительности, крестьяне твердо уперлись на томъ, что надо непременно добиваться „старыхъ межъ“, не соглашаясь ни на что иное. Вожакомъ всѣхъ заинтересованныхъ селеній былъ тутъ старикъ съ длинною сѣдою бородою, Кость-Парадюкъ. Неловко стало положеніе нашего мирового съѣзда при объясненіяхъ съ крестьянами. При проектированіи отвода, на поляхъ, среди взбурдаженной толпы нѣсколькихъ деревень, я долго объяснялъ крестьянамъ, что они ничего не потеряютъ, такъ какъ количество земли дано имъ будетъ полное и отведется удобно, а платежи понизятся больше, чѣмъ у ихъ сосѣдей.—Убавка платежей,—говорилъ я,—зачтется вамъ съ осени 1863 года; все переплаченное вами прежде вычтется изъ будущихъ платежей, и потому вы, можетъ быть, два или три года даже совсѣмъ ничего не будете платить.—Но толпа сильно роптала, а Кость-Парадюкъ отрицательно потряхивалъ своею бородою, говоря, что громада, кромѣ старыхъ межъ, ни на что другое „не пристанетъ“. Перспектива платежнаго облегченія мало прельщала крестьянъ, вызывая съ ихъ стороны отзывы:—Коли (когда) то ще буде, а може

и не буде!—Волненіе чувствовалось настолько, что можно было даже опасаться открытаго сопротивленія.

— Видно, що треба идти до самого Царя, — слышалось потомъ отъ крестьянъ.—Кость-Парадюкъ самъ пиде въ Петербургъ, да пиде не дорѣгами, бо помѣщикъ постарается, чтобъ его назадъ вернули; такъ и не допустятъ до Царя. Кость пиде по суголовамъ (по междупольнымъ межникамъ) и самъ подастъ прошеніе Царю въ руки.

Какъ ни волновались крестьяне, однако межевыя работы были сдѣланы безъ противодѣйствія, а затѣмъ составлены и объявлены были выкупные акты. Безакъ все утвердилъ, какъ обѣщаль. Послѣ утвержденія актовъ, осуществилась прирѣзка земли, а какъ пришелъ новый срокъ выкупныхъ платежей съ ш—скихъ крестьянъ, ихъ не потребовали вслѣдствіе зачета переплатъ. Населеніе почувствовало, наконецъ, что обѣщанное ему—не праздныя слова, а нѣчто дѣйствительное.

И вотъ, спустя года полтора, попалъ я разъ въ эту волость. Послѣ дѣловыхъ разговоровъ, старшина заявляетъ, что пришелъ Кость-Парадюкъ и желаетъ со мною видѣться. „Чтѣ бы такое могло ему понадобитсяъ?“—подумалъ я, и никакъ не могъ догадаться. Открывается дверь, показывается знакомая длинная борода, и Кость низко кланяется.

— Пришелъ я до вашего в-ія „подяковаты“ (поблагодарить) за то, що вы для насъ зробили (сдѣлали). Мы все боялись, все не вѣрили, а теперь наша громада видитъ, що вышло ей добре. Дай Боже вамъ всего добраго!—Послѣдовалъ новый низкій поклонъ.

Особенное, непривычное ощущеніе пришлось испытать, выслушивая эти слова благодарности отъ вожака нѣсколькихъ селеній, руководившаго „общественнымъ мнѣніемъ“ цѣлой крестьянской округи во время самаго разгара ея неудовольствій. Но вѣдь прежде, чѣмъ дожидаться этихъ неожиданныхъ словъ—сколько надо было пережить натянутыхъ отношеній съ крестьянскою массою и даже почувствовать своего рода нравственнаго оскорбленія отъ проявленій ея подозрительности! Оцѣнка, какую иногда встрѣчали со стороны крестьянъ искреннія заботы о нихъ, могла бы парализовать энергію этихъ заботъ, еслибъ не сознаніе, что требовать лучшаго въ данную пору не слѣдуетъ и невозможно. Помогать мужику слѣдовало не изъ эгоистическаго разчета на уплату благодарностью, а просто потому, что онъ нуждается въ этой помощи и имѣетъ на нее право. Жизненная философія мужика складывается изъ наблюденія практическихъ

фактовъ и памяти о нихъ. Прошлое постоянно внушало ему, что дѣйствительныхъ друзей у него нѣтъ, что его или давятъ, или обманываютъ. Могли ли нѣсколько человѣкъ, дѣйствительно старавшихся отстоять ему добавочный кусокъ земли и оставить у него въ карманѣ нѣсколько рублей, уничтожить въ короткое время этотъ вѣками нажитый капиталъ недоверія!

Другой случай. Отѣзжая изъ одного волостного правленія, гдѣ пришлось провозиться цѣлый день, я уже вышелъ на крыльцо, собираясь сѣсть въ повозку, какъ вдругъ подходятъ три мужика и кланяются. Когда устанешь отъ работы, подобное появленіе, обѣщающее новое дѣло, способно вызвать даже досаду, такъ какъ чувствуется нѣкоторое право на отдыхъ. И не безъ неудовольствія я встрѣтилъ пришедшихъ вопросомъ:—Что вамъ нужно?—Но оказалось, что предо мною тоже люди, пришедшіе благодарить. Это были представители крестьянъ небольшого поселка, наканунѣ получившихъ, послѣ выкупа, вводъ во владѣніе. У нихъ не было даже полей, и, владѣя однѣми усадьбами, они всего больше занимались кожевничествомъ. При давнемъ ничтожномъ владѣніи, они даже получить могли очень немного, и весь результатъ повѣрки для нихъ состоялъ лишь въ освобожденіи отъ неправильнаго увеличенія усадебной оцѣнки. Однако, получивъ вводъ во владѣніе и узнавъ о моемъ пріѣздѣ въ волость, эти крестьяне сочли нужнымъ послать депутатовъ единственно для заявленія, что небольшая громада довольна своимъ положеніемъ и чувствуетъ, что для нея сдѣлано. Здѣсь, казалось, меньше всего было основаній для благодарности, но она выступила, напомнивъ евангельское сказаніе объ исцѣленіи прокаженныхъ: „не десять ли очистилися, да девять гдѣ“?

И совѣсть, и опытъ одинаково внушали, что самый правильный методъ дѣйствій—не заискивать выраженій довѣрія, а говорить и дѣлать, что слѣдуетъ, серьезно, прямо, безъ искусственныхъ пріемовъ и всякаго битья на эффектъ. Лучшій разъяснитель крестьянамъ вашихъ намѣреній — факты. Принесутъ они довѣріе—хорошо, а если не принесутъ—надо и съ этимъ мириться, какъ съ неизбѣжностью. Игра же въ искусственные пріемы, кромѣ того, что заключаетъ въ себѣ противный элементъ фальши, большею частью не приводитъ и къ ближайшей цѣли, а нерѣдко разрѣшается даже очень скверными результатами. Наглядный примѣръ тому представило въ нашей губерніи, между прочимъ, то самое немировское дѣло, о неудачномъ опытѣ улаженія котораго дѣятелемъ Э. сказано было въ предыдущей главѣ. Тамъ передана дѣловая сущность этой исторіи, а здѣсь

приведу нѣкоторыя подробности, со словъ близко стоявшихъ къ дѣлу.

Э—ъ взялся уладить щекотливое для администраціи дѣло соглашеніемъ обѣихъ сторонъ, которое, разумѣется, было бы зачтено ему выдающимся служебнымъ отличіемъ. Но не въ мѣру погнавшись за этою цѣлью, онъ обратился къ игрѣ внѣшними эффектами и провалился. Встрѣтивъ миролюбное расположеніе къ дѣлу въ крестьянахъ одного мѣстечка Немирова, онъ вздумалъ, сейчасъ же муссировать это расположеніе, и тутъ затѣялся крестьянскій обѣдъ въ честь Э—а, ко дню его именинъ. Какъ устроивался этотъ обѣдъ—подробно не знаю, но ему поспѣшно было придано черезчуръ знаменательное значеніе. Немедленно послана Безаку телеграмма, извѣщавшая, что Э—ъ, уладивъ немировское дѣло миролюбно, пьетъ за здоровье генераль-губернатора на обѣдѣ, данномъ ему крестьянами. Краткое выраженіе: „немировское дѣло“, наводило на мысль, что рѣчь идетъ не объ одномъ только мѣстечкѣ, но и о всей округѣ селеній, входившихъ въ составъ немировскаго имѣнія. Однако мало показалось и обѣда съ телеграммою. Скороспѣлый умиротворитель задумалъ еще увѣковѣчить обѣденное торжество особеннымъ образомъ: заказавъ металлическіе жетоны, на одной сторонѣ которыхъ значилось его имя, а на другой — день праздника и названіе мѣстечка. Жетоны эти раздавались старшинамъ, старостамъ и другимъ крестьянамъ, какъ бы въ надеждѣ, что послѣдніе сохранятъ ихъ въ качествѣ драгоцѣннаго знака памяти о великомъ событіи и подвинутъ населеніе къ дальнѣйшимъ актамъ миролюбія. Но вышло какъ разъ обратное, и именно жетоны стали портить все дѣло.

Какъ только они были розданы, между крестьянами распространилось подозрѣніе, что эта диковинка имѣетъ символическое, недоброе значеніе. „На що онъ роздалъ тѣ гудзики (пуговочки),— пошла въ народѣ молва,—и что онѣ такое значать?“—Скоро появилось толкованіе, что „гудзики“ признаются знакомъ крестьянскаго согласія на панскія желанія, и пріѣзжій начальникъ просто отуманилъ мужиковъ. Взялись крестьяне за розыски—кто смѣлъ принять зловредныя „гудзики“,—а затѣмъ стали отбирать жетоны у получившихъ и немедленно истреблять. Чѣмъ дальше, тѣмъ толки становились неблагопріятнѣе, и возникло совсѣмъ враждебное отношеніе къ Э. Предложенія его стали встрѣчать упорный систематическій отказъ, и наконецъ появился слухъ, что онъ даже вовсе не начальникъ, а лицо, хитро подставленное панскою стороною подъ видомъ начальника. Подо-

зрительность, какъ рассказывалъ мнѣ потомъ Ушинскій, поддерживалась даже наружностью Э., человека малорослаго и горбатаго.

Сколько ни объяснялся онъ съ крестьянами—становилось очевидно, что никакого соглашенія уже не будетъ, а возраженія выходили все рѣзче и грубѣе. Волненіе разросталось. Э. горячился, пугалъ, и это подливало масла въ огонь. Враждебность выступала такъ открыто, что дошло до полного разрыва. При одномъ объясненіи,—по словамъ Ушинскаго,—толпа высказала, что лишь тогда повѣрить, когда пріѣдетъ настоящій чиновникъ отъ Царя и объявить, что именно крестьянамъ слѣдуетъ.

— Какъ вы смѣете мнѣ не вѣрить,—горячился Э.,—развѣ я самъ не отъ Царя?

Но на это толпа отвѣтила уже смѣхомъ.

— Хибѣ (развѣ) у Царя лучшаго не нашлось, щобъ онъ прислалъ намъ таку малпу (обезьяну)!..

Послѣ этого обидѣвшійся Э—ъ заявилъ уже требованіе о присылкѣ воинской силы для усмиренія, а затѣмъ быстро послѣдовала собственная его отставка и порученіе немировскаго дѣла Ушинскому. Такъ завершилась замысловатая попытка потуманить крестьянъ эффектами.

Въ заключеніе приведу изъ собственной моей практики примѣръ борьбы съ открытымъ крестьянскимъ противодѣйствіемъ, хотя и относящійся къ позднѣйшему времени, послѣ смерти Безака, когда наступили уже обратныя вѣянія, но по содержанию своему подходящій къ темѣ настоящей главы.

Было въ моемъ уѣздѣ имѣніе титулованной владѣлицы, по которому еще до повѣрочной эпохи, въ 1862 году, состоялся выкупной договоръ, крайне невыгодный для крестьянъ. Достаточно сказать, что по инвентарю крестьянскій полевой надѣлъ показанъ былъ въ 816 десятинъ, при введеніи уставной грамоты уменьшился до 768, а по договору выкуплено было только 440 десятинъ, т.-е. надѣлъ былъ уменьшенъ почти вдвое противъ должнаго. Грубо неправиленъ былъ этотъ договоръ и въ формальномъ отношеніи, такъ что ни съ какой стороны не выдерживалъ критики. Дѣло объ исправленіи этого договора начато было еще при Безакѣ. Мировой сѣздъ выяснилъ основательность крестьянскихъ претензій; Безакъ призналъ послѣднія правильными, предложивъ помѣщицѣ соотвѣтствующія уступки, но затѣмъ умеръ, а преемникъ его, кн. Дондуковъ-Корсаковъ, отнесся къ этому неоконченному дѣлу уже иначе. Помѣщица хлопотала въ Кіевѣ, и однажды получилъ я отъ кн. Дондукова ко-

роткое письмо такого содержанія. Владѣлица такого-то имѣнія, желая добровольно окончить дѣло съ крестьянами о выкупномъ договорѣ, изъявила согласіе подарить имъ 70 десятинъ земли; „принимая участіе“ въ ея положеніи, покорнѣйше прошу васъ оказать содѣйствіе миролюбному окончанію этого дѣла.

Личные мои переговоры съ помѣщицею не привели ни къ чему, такъ какъ она больше 70 десятинъ давать не хотѣла, импонируя только поддержкою генераль-губернатора; а крестьянамъ недоставало слишкомъ 370 десятинъ, отказываться отъ которыхъ они не имѣли ни малѣйшаго желанія. Опять затянулась переписка. Генераль-губернаторъ, при личныхъ объясненіяхъ со мною, самъ бранилъ помѣщицу за упрямство, отпуская на ея счетъ разные неудобные комплименты, однако ограничился тѣмъ, что, сверхъ 70 десятинъ, выторговалъ у нея лишь прибавку съ ея стороны обязательства вносить за крестьянъ ежегодно по 300 рублей выкупного платежа, — да на томъ и порѣшилъ. Тутъ помѣщица успѣла продать имѣніе, и развязка свалилась на новаго владѣльца. Въ сущности, здѣсь генераль-губернаторъ превысилъ свою власть, такъ какъ законъ вовсе не предоставлялъ ему права самому рѣшать дѣла о договорахъ, и при несогласіи помѣщицы на удовлетвореніе признанныхъ уже его предмѣстникомъ крестьянскихъ претензій—онъ долженъ былъ представить выкупной договоръ къ уничтоженію, чрезъ министерство, въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Но соблюденіе предѣловъ власти въ эту пору уже сильно у насъ зашаталось. Мнѣ предстояло исполнить это обидное рѣшеніе.

Въ это время я уже покидалъ службу въ краѣ, но хотѣлъ покончить съ настоящимъ дѣломъ лично, хотя бы за нѣсколько дней до отъѣзда, чтобы, насколько можно, предотвратить непріятныя послѣдствія вѣроятнаго крестьянскаго сопротивленія, и не передавать дѣла своему преемнику, который еще неизвѣстно какъ бы отнесся къ нему. Дѣло въ томъ, что прирѣзка крестьянамъ 70 десятинъ соединялась съ формальнымъ отводомъ всего надѣла и установкою межевыхъ столбовъ, а это-то послѣднее обстоятельство и было самымъ щекотливымъ, такъ какъ къ столбамъ у крестьянъ вообще держалось какое-то суевѣрное отвращеніе. Гдѣ крестьяне не получали полного удовлетворенія, тамъ они считали свое дѣло еще непотеряннымъ до установки столбовъ, а въ появленіи послѣднихъ усматривали уже полный конецъ надеждамъ. Поэтому въ данномъ случаѣ крестьяне одновременно волновались и невозвратомъ всей слѣдовавшей имъ земли, и вопросомъ о столбахъ. Когда я предварительно послалъ

на мѣсто землемѣра для съемки отводимой земли, то онъ вернулся съ извѣстіемъ, что крестьяне рѣшительно отказываются отъ отвода, и объявили, что ставить столбовъ не дадутъ. Надо было мнѣ спѣшить на мѣсто, чтобы не дать волненію разростись.

Прибывъ рано утромъ въ волостное правленіе, я засталъ его уже окруженнымъ значительнымъ числомъ крестьянъ, а вблизи, у дымившейся кузницы, землемѣръ клеймилъ заготовленные столбы раскаленнымъ желѣзнымъ штемпелемъ, изображавшимъ форменный гербъ.

— Право, насъ кольями прогонять отсюда!—говорилъ онъ, дрожа отъ страха при видѣ возбужденныхъ крестьянскихъ лицъ.

Ставъ на крыльцѣ волостного правленія, я началъ разговоръ съ увеличивавшеюся толпою, рѣшась терпѣливо истощить всѣ способы убѣжденія. Положеніе было не легкое и даже двойственное. Нельзя было не сознавать, что въ существѣ дѣла крестьяне совершенно правы; но изъ участія къ нимъ же самимъ необходимо было такъ или иначе добиться ихъ подчиненія состоявшемуся рѣшенію, потому что если только мнѣ вернуться ни съ чѣмъ, отступивъ предъ крестьянскимъ противодѣйствіемъ, то волненіе разростется, дѣло дойдетъ до присылки военной команды и начнется экзекуція съ ея обычными послѣдствіями, какъ это и случилось около того же времени въ одномъ изъ селеній сосѣдняго уѣзда, гдѣ, при сходныхъ обстоятельствахъ, были и расправы, и разбѣганье изъ деревни на продолжительное время почти всего мужского населенія, и разореніе крестьянъ распущеннымъ солдатскимъ постоемъ. Приходилось соображать, что стоявшіе предо мною крестьяне еще не лишались возможности новыхъ жалобъ и ходатайствъ, и если по нимъ будетъ какой-нибудь успѣхъ, то, получивъ теперь 70 десятинъ, они могутъ потомъ получить и больше, тогда какъ если бросить „усмиреніе“ теперь, то, кромѣ перспективы экзекуціи, имъ, пожалуй, не достанутся и эти 70 десятинъ, потому что кіевскія и петербургскія вѣянія стали ужъ очень неблагоприятны. Съ другой стороны, долгій опытъ знакомства съ крестьянами ясно подсказывалъ, что поддаваться эффекту ихъ настояній нельзя, такъ какъ уступчивость вызываетъ въ раздраженной толпѣ новыя требованія, и это подливаетъ масла въ огонь. Чувствовалась необходимость поддерживать полный авторитетный тонъ и—что бы ни происходило въ душѣ—не обнаруживать ни малѣйшаго колебанія, а тѣмъ болѣе—страха.

Меня встрѣтилъ общій гулъ:

— Всѣмъ мы недовольны! Намъ не отдаютъ нашей земли! Сколько мы уже подавали прошеній, да намъ ничего не вышло! Всѣ присягнуть, что эта земля—наша, нечего намъ больше ждать! Хоть всѣ пойдемъ въ Петербургъ, а столбовъ не будетъ!..—вопіяла толпа.

Добившись, по возможности, того, чтобы, вмѣсто общаго крика, каждый говорилъ отдѣльно, я сталъ спокойно, но твердо разяснять, что и самъ хорошо знаю, какая земля имъ дѣйствительно принадлежала, что мировой съѣздъ и хлопоталъ о возвратѣ имъ всей этой земли, но тѣмъ не менѣе—разъ генераль-губернаторъ назначилъ имъ только 70 десятинъ—надо этому подчиниться, потому что иначе ничего добраго не выйдетъ, такъ какъ не бывало еще примѣра, чтобы крестьянамъ удавалось отстоять что-нибудь силою. Но у крестьянъ накопилось столько мучительнаго, протестующаго чувства, что до какого-нибудь успокоенія было еще очень далеко, и возгласы слѣдовали за возгласами.

Тутъ всего больше требовалось терпѣнія, самообладанія и голосовыхъ средствъ. Когда вы обращаете къ мужику одну повелительность, приказываете ему молчать, мѣшаете ему выложить то, что у него на душѣ—это вызываетъ въ немъ только возмущеніе чувства, и онъ сильнѣе горячится. Напротивъ, если вы даете ему высказать все, что его мутитъ, если онъ видитъ, что вы вовсе не пренебрегаете его словами, и на каждый аргументъ отвѣчаете аргументомъ же—онъ, если и не получаетъ удовлетворенія, то все-же нѣсколько успокоивается и становится способнѣе понимать, что и вы дѣйствуете такъ или иначе не произвольно, а въ силу необходимости. Давно убѣдившись въ томъ, я рѣшился отвѣчать положительно каждому желающему, самъ вызывая—не имѣетъ ли кто сказать что-нибудь, чтобы не оставалось ничего недоговореннаго.

Этотъ приѣмъ, постепенно смягчая остроту первой встрѣчи, значительно помогъ дѣлу, хотя на одни такія словесныя объясненія понадобилось затратить нѣсколько часовъ сплошь. Подошелъ священникъ звать меня къ себѣ обѣдать, долго слушалъ и, наконецъ, взмахнувъ руками, ушелъ, а послѣ говорилъ, что не видалъ еще такого терпѣнія. Но оно не осталось безъ результата: въ теченіе этихъ часовъ самъ собою совершился нравственный умѣряющій процессъ, и мнѣ уже начинало чувствоваться, что оппозиція будетъ только пассивная, хотя не безъ упорства. Ослабленію содѣйствовало, между прочимъ, то, что явился тутъ представитель помѣщичьей стороны съ какими-то

непомѣрными требованіями, и я ему внушительно отказывалъ. Когда матеріаль для объясненій сталъ замѣтно истощаться—перевалило уже далеко за полдень.

Отдѣльные протестующіе возгласы еще продолжались. Двое закричали: „Когда такъ, то нехай же (пустъ) заберутъ у насъ и всю прежнюю нашу землю, нехай подохнемъ съ голоду, нехай насъ въ Сибирь зашлютъ, нехай насъ пушками перестрѣляютъ!..“ и т. д.—Возгласы бессмысленные, но способные возбуждать толпу, и потому надо было ихъ прекратить.

— Что вздоръ говорить! — возвысилъ я голосъ. — Кабы у васъ въ самомъ дѣлѣ отобрали всю землю, развѣ вы не просили бы отдать ее назадъ! Рассказывайте про пушки и Сибирь малымъ дѣтямъ, а не мнѣ! — Записавъ, для вида, кричавшихъ, я велѣлъ старшинѣ и старостѣ немедленно отвести ихъ въ „холодную“, подъ эффектнымъ названіемъ которой разумѣлся сквозящій сарай въ маѣ мѣсяцѣ. Эта съ строгимъ видомъ принятая мѣра сейчасъ же вызвала очень своеобразный отвѣтъ: едва арестованныхъ увели—исчезла и часть стоявшей предо мною толпы; она протестовала тѣмъ, что засѣла въ тотъ же сарай подъ добровольный арестъ, демонстративно выражая желаніе дѣлать участь своихъ собратовъ. Къ этому я отнесся спокойно, сказавъ: —Хотятъ сидѣть—пустъ сидятъ; можно дѣлать дѣло и безъ нихъ.

Столбы были уже готовы и надо было везти ихъ на мѣсто, но повозокъ нѣтъ. Я приказалъ привести нѣсколько, но на это изъ толпы откликнулись: — Нема у насъ подводъ! — Замѣтивъ одного изъ выкрикнувшихъ и чтобы не дать его протесту распространиться, я сейчасъ же подошелъ къ нему, спросилъ его имя у старшины, записалъ, для вида, на бумажку и, обратясь къ нему, сказалъ, возвысивъ голосъ:

— Это ты не даешь повозки? Такъ именно ты же приведешь свою собственную, я тебя записалъ, и теперь за повозку отвѣчаетъ не громада, а ты, Сидоръ Гончаръ! Ступай сейчасъ домой, и если черезъ четверть часа подводы не будетъ—ты виновать!

Мужикъ, почувствовавъ свою личную отвѣтственность, замаялся и сталъ ссылаться на рѣшеніе громады, но я повторилъ ему, что отвѣчаетъ за подводу онъ самъ. Такъ поступилъ я еще съ тремя или четырьмя отдѣлявавшимися тѣми же отговорками, и, спустя нѣкоторое время, у меня были уже повозки, на которыя стали валить готовые столбы. Мужикъ бываетъ смѣлъ, дѣйствуя отъ имени толпы; но онъ гораздо робче при перспективѣ личнаго отвѣта, когда чувствуетъ себя „единицею“. Признаюсь,

что крайне непріятное ощущеніе пришлось испытывать, вводя такое разъединеніе, идя противъ чувства общей солидарности, но въ жуткую, рѣшительную минуту было не до красоты положенія, и всего болѣе чувствовался долгъ предъ самою задачею недопущенія до скверныхъ послѣдствій сопротивленія.

Но и съ подачею повозокъ крестьяне примирились не сразу. Едва я вошелъ на нѣсколько минутъ внутрь волостного правленія, какъ старшина вошелъ вслѣдъ за мною сказать, что крестьяне принялись угонять повозки уже со столбами, въ томъ соображеніи, что если столбы исчезнутъ, то нечего будетъ ставить, и дѣло разстроится само собою. Моментъ былъ еще рѣшительнѣе, — начатаго прерывать было нельзя. Вернувшись немедленно въ толпу, я взялъ подъ-узды лошадь угоняемой подводы, повернулъ ее обратно и, подозвавъ одного изъ крикуновъ, вручилъ ему поводъ лошади со внушеніемъ, что съ этой минуты онъ лично отвѣчаетъ за данную повозку. То же сдѣлалъ и съ другими, опять записавъ имена, и повозки больше не двинулись съ мѣста.

— Мы подавали прошенія, а какъ столбы поставятся, то не помогутъ уже и прошенія, — стали говорить крестьяне, выражая одинъ изъ существенныхъ мотивовъ своего поведенія.

— Ничего, — столбы прошеніямъ не повредятъ, — отвѣчалъ я. Однако, все уже было переговорено, все приготовлено, пора было браться за дѣло. Громада, съ трудомъ уступая шагъ за шагомъ, какъ будто подчинялась отправкѣ столбовъ на межи, но удерживала протестующее положеніе, заявляя, что сама она не пойдетъ въ поле.

— Мнѣ всей громады и не нужно, — отвѣтилъ я, — возьму человекъ шесть, захвачу стороннихъ — и поѣдемъ. А прочіе — какъ кто хочетъ.

Въ переднюю повозку сѣли старшина, староста и двое крестьянъ; середину поѣзда заняли повозки со столбами, чтобы нельзя было угнать ихъ съ пути, а въ заднюю — усѣлся я съ землемѣромъ, замыкая шествіе. Намѣченные нѣсколько крестьянъ должны были идти пѣшкомъ. Одинъ изъ наиболѣе кричавшихъ идти не хотѣлъ, отговариваясь уже тѣмъ, что у него ноги болятъ. — Ну, если не можешь идти пѣшкомъ, — сказалъ я ему, — садись ко мнѣ въ повозку, поѣдешь рядомъ со мною. — Мужикъ было-замаялся, — однако, сѣлъ. Къ себѣ же я помѣстилъ еще и другого протестанта.

Поѣздъ нашъ тронулся шагомъ, выѣхалъ изъ селенія, а межа была очень близко. Доѣхали до перваго пункта, гдѣ слѣдовало поставить столбъ, и я скомандовалъ: — Теперь, возьмите

заступы и будемъ копать яму! — Черезъ нѣсколько минутъ она была уже выкопана, и въ нее погрузили первый столбъ. Это была самая торжественная минута „усмиренія“: сопротивленія уже нѣтъ, опасность бунта исчезла! За первымъ столбомъ пошли—второй и третій... Работа шла тихо. Нехотѣвшіе-было идти на межу стали подходить по два, по три, и скоро на полѣ собралась цѣлая толпа. Наши разговоры становились все мирнѣе, мягче. Время, ходьба, общая работа, высказанность всего, лежавшаго на душѣ, видимо успокоивали раздраженіе. Когда часть столбовъ была уже водружена, толпа, во время передышки, окруживъ меня, задала вопросъ:

— А можно намъ еще подавать прошенія?

— Можно; никому не запрещается просить.

— А какъ что-нибудь выйдетъ на наши прошенія,—не помѣшаютъ эти столбы?

— Ровно ничего. Если дѣло повернется въ вашу пользу, то земля отведется вамъ по-новому, и столбы переставятъ на другія мѣста. А пока ничего нѣтъ—Боже васъ сохрани трогать столбы, потому что за это большая отвѣтственность назначена.

— Да что жъ... нехай себѣ стоять... мы зачепать ихъ не будемъ...

— И не зачепайте. Лучше дѣлать по-умному, не будоражиться безъ толку...

Я не оставилъ мѣста до конца работы, и лишь около захода солнца отправился обѣдать и ночевать къ священнику.

На другой день, очень рано утромъ, только-что мы съ священникомъ взяли за стаканы чаю, толпа собралась у священническаго дома и прислала звать меня для объясненій. Я сперва отвѣтилъ, что часа черезъ два буду въ волостномъ правленіи и тамъ готовъ разговаривать; но толпа прислала вторично сказать, что желаетъ говорить со мною именно здѣсь, такъ какъ въ правленіи можетъ встрѣтиться представитель помѣщичьей стороны, а она хочетъ посовѣтоваться со мною интимно. Признакъ—уже добрый!—Вопросы крестьянъ состояли въ томъ, куда и какъ имъ можно жаловаться. Я далъ надлежащія разъясненія, и толпа ушла къ правленію.

Въ тотъ же день объявилъ я протоколъ отвода крестьянамъ и представителю помѣщичьей стороны. Послѣдній заявилъ неудовольствіе, крѣпко спорилъ; но крестьяне отнеслись къ дѣлу уже совершенно спокойно. Видно, за ночь много передумали. Когда, оставшись съ ними одними, я собирался уже уѣзжать,

они принялись объясняться по поводу своего вчерашняго поведения, оправдывая его тѣмъ, что ужъ очень имъ наболѣло не-удовлетвореніе правильныхъ земельныхъ претензій; а въ заключеніе попросили освобожденія посаженныхъ вчера въ „холодную“.

— А они еще тамъ сидятъ? Пусть идутъ, куда хотятъ,— отвѣтилъ я,—мнѣ не нужно ихъ карать. Главное теперь—вы держите себя спокойно. Покричалъ и я на васъ вчера довольно, а сами подумайте, можно ли было иначе? Чтò было бы, еслибъ вы не одумались? Вѣдь еслибъ я послушалъ васъ да вернулся домой ни съ чѣмъ—этимъ бы не кончилось. Тогда уже не я бы къ вамъ пріѣхалъ, а ввели бы въ село военную команду, и сами знаете, чтò бы тогда было,—а столбы все-таки поставили бы. Не лучше ли теперь? Я не хотѣлъ бы на васъ кричать, да чтò съ вами подѣлаешь! Двое-трое бухнуть неподходящее, а вы, чѣмъ бы сдержатъ ихъ умнымъ словомъ,—за ними же тянете. Ну, да чтò прошло, то прошло, впередъ только обдумывайте, чтò изъ чего можетъ выйти.

Разстались мы наилучшимъ образомъ. Толпа проводила меня за околицу, слѣдуя за плетущеюся шагомъ моею повозкою и выражая добрыя пожеланія.

Можетъ быть, этотъ исходъ былъ дѣломъ случая, и при болѣе рѣшительномъ сопротивленіи кончилось бы хуже, но изъ всего испытаннаго я не могъ не вынести убѣжденія, что при достаточной мѣрѣ терпѣнія и внимательности къ крестьянскимъ свойствамъ, нуждамъ и недоумѣніямъ большая часть случавшихся усмиреній силою могла бы быть во-время предотвращена. Вѣдь и въ рассказанной исторіи какъ немногаго недоставало, чтобы она разгорѣлась до очень скверныхъ послѣдствій!

IV.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ЧЕТЫРЕХЛѢТІЯ.

Въ исходѣ 1866 года повѣрочныя дѣйствія близились къ концу уже почти вездѣ, при еще большемъ напряженіи работъ. Выкупные акты составлялись и рассматривались массаами, и какъ прежде губернское присутствіе строго критиковало ихъ, такъ теперь торопилось утверждать, не особенно приглядываясь къ неважнымъ прорѣхамъ. Въ одно засѣданіе пропускалось ихъ десятка по два и больше. Утвержденія выходили почти всегда единогласными; а такъ какъ жалобы на акты допускались по

закону только въ случаѣ разногласія, то этимъ самымъ устранялся всякій поводъ къ перенесенію дѣлъ въ министерство, и по существу все рѣшалось не дальше Кіева. Затѣмъ выкупному учрежденію оставалось только назначать выкупныя ссуды. Дѣло быстро подвигалось впередъ, хотя вслѣдствіе той же спѣшности неизбѣжны бывали промахи.

Все это время установившаяся охрана крестьянскихъ интересовъ выдерживалась послѣдовательно, какъ бы даже возростая въ своей силѣ. Добавки надѣловъ были почти вездѣ, пониженія платежей назначались значительныя и выходили тѣмъ больше, чѣмъ позднѣе совершались акты. Къ такому ходу дѣла всѣ уже привыкали, и только разъ появилась-было у помѣщиковъ серьезная надежда на новую реакцію въ пользу ихъ интересовъ.

Это было послѣ Каракозовскаго покушенія, когда объявленъ былъ извѣстный рескриптъ 13 мая 1866 года на имя предсѣдателя комитета министровъ, кн. Гагарина. Въ этомъ рескриптѣ, между прочимъ, было заявлено объ участіи нѣкоторыхъ состоявшихъ на государственной службѣ лицъ въ распространеніи вредныхъ ученій и указывалось на необходимость противождать возбужденію вражды между сословіями, особенно — противъ землевладѣльцевъ, а также — охранять „право собственности во всѣхъ видахъ, опредѣленныхъ общими законами и положеніями 19 февраля“. Вслѣдъ за рескриптомъ появился и развивавшій его указанія циркуляръ министра Валуева, который особенно старался поставить въ связь печальное событіе съ вопросомъ о примѣненіи „Крестьянскихъ Положеній“. Высказываясь противъ пристрастій въ крестьянскомъ дѣлѣ, циркуляръ этотъ замѣчалъ, что „законъ равно обязателенъ для обѣихъ прикосновенныхъ сторонъ, и власть, его примѣняющая, не въ правѣ наклонять его въ пользу той или другой стороны и быть щедрою для одной изъ нихъ на счетъ стороны противной“. — Впечатлѣніе обоихъ этихъ актовъ было велико, и хотя точный текстъ ихъ одинаково требовалъ охраны интересовъ помѣщиковъ и крестьянъ, но среди возбужденныхъ помѣщиковъ юго-западнаго края означенные акты вызвали усиленное чтеніе между строкъ и очень широкія толкованія. Напоминанія о соблюденіи „Положеній 19 февраля“ нѣкоторыми были поняты въ томъ смыслѣ, что правила, изданныя послѣ 19 февраля, уже теряютъ силу, а вредныя ученія приурочивались къ нашимъ повѣрочнымъ работамъ.

Помню, какъ однажды, вскорѣ послѣ опубликованія этихъ актовъ, встрѣтился я съ помѣщикомъ изъ очень недовольныхъ, и онъ съ хитрою улыбкою сталъ спрашивать меня, когда

ожидается прїѣздъ генераль-губернатора? Отвѣтивъ, что зналъ о томъ, я прибавилъ вопросъ:

— Отчего это васъ интересуесть, когда ваше дѣло, помнится, совсѣмъ закончено?

— Интересно будетъ послушать, какъ онъ станетъ предъ нами извиняться,—отвѣчалъ мой собесѣдникъ.

— Въ чемъ извиняться?

— А въ томъ, какъ велось у насъ крестьянское дѣло. Теперь, послѣ рескрипта, все уже пойдетъ иначе, и Безаку не легко будетъ выпутываться изъ того, что онъ надѣлалъ.

Собесѣдникъ мой далеко не былъ исключеніемъ. Такъ думали многіе, возлагая большія надежды на помощь предполагавшагося новаго политическаго мотива. Однако Безакъ, не дѣлая никакихъ декларацій, самымъ образомъ дѣйствій и отрывочными замѣчаніями ясно давалъ понять, что подвергавшіяся толкованіямъ слова рескрипта и циркуляра нисколько не требуютъ измѣненія нашихъ повѣрочныхъ дѣйствій, которыя должны идти такъ же, какъ прежде шли. Отголоскомъ возникшихъ надеждъ осталось лишь то, что въ составъ большинства жалобъ на выкупные акты вошли и ссылки на рескриптъ 13 мая.

Несмотря, однако, на всѣ административныя работы, въ началѣ 1867 года недодѣлки еще оставались, и хотя въ общей массѣ дѣла онѣ были невелики, но, сосредоточиваясь въ немногихъ уѣздахъ, представляли собственно въ нихъ немалую работу, плохо поддававшуюся усиліямъ неумѣлыхъ съѣздовъ. У насъ было два-три такихъ уѣзда, а въ Волыни, которая прежде обгоняла нашу губернію, дѣло затормазилось даже сильнѣе. Тогда какъ, вслѣдствіе завершенія главной массы работъ, уже закрыты были повѣрочныя отдѣленія мировыхъ съѣздовъ и произведено было сокращеніе числа мировыхъ участковъ, съ удаленіемъ посредниковъ поплотнѣе, — въ отсталые уѣзды то-и-дѣло командировались члены губернскаго присутствія для руководства и ускоренія. Вновь мѣнялся тамъ и личный составъ. Ольгопольскій съѣздъ за Безаковское время три раза подвергался обновленію. Сверхъ общихъ недодѣлокъ, почти въ каждомъ уѣздѣ встрѣчались отдѣльныя дѣла, осложнившіяся какими-либо исключительными причинами и оттого передвигавшіяся изъ уѣздовъ въ губернію и Кіевъ и обратно.

Окончательныя утвержденія актовъ главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ, являвшіяся прежде лишь спорадическими примѣрами, съ 1867 года приняли уже массовой характеръ, и вотъ когда стали широко пожинаться дѣйствительные плоды всѣхъ

предшествовавшихъ дѣйствій, заботъ, борьбы и разрѣшенія возбуждавшихся вопросовъ. Крестьянство дождалось наконецъ фактическаго возврата инвентарныхъ земель и уменьшенія платежей. Мировыя учрежденія въ это время постоянно занимались передачею крестьянамъ означенныхъ земель, съ восстановленіемъ старыхъ границъ, а также сносились съ уѣздными судами и гражданскою палатою о выдачѣ крестьянамъ „данныхъ“ на владѣніе выкупленною земельною собственностью. Уменьшеніе платежей зачиталось съ 1 сентября 1863 года, а такъ какъ крестьяне до утвержденія актовъ вносили ихъ въ прежнемъ размѣрѣ, то образовались значительныя переплаты, которыя зачислялись въ будущіе сроки. Гдѣ пониженіе утверждалось большое, тамъ крестьяне на два или три года, а иногда даже дальше, совсѣмъ освобождались отъ платежа. Этимъ разрѣшался и мучительный вопросъ о недоимкахъ, гдѣ онѣ были, такъ какъ послѣднія съ избыткомъ покрывались зачетомъ переплатъ.

Словомъ, для населенія наступила пора очень чувствительной передышки послѣ долгаго напряженнаго состоянія и сомнѣній въ обѣщанныхъ улучшеніяхъ. Оно увидѣло обращеніе словъ въ осязательные факты. И въ общемъ нельзя было не отдать справедливости крестьянскому терпѣнію, напоминавшему такую же выдержку въ періодъ ожиданія „воли“, т.-е. предъ 1861 годомъ. Тогда какъ противники новаго устройства крестьянъ силились приписать повѣрочнымъ работамъ возбуждающее дѣйствіе на населеніе, въ смыслѣ вызова бунтовъ, самовольныхъ земельныхъ захватовъ и неповиновенія властямъ—именно это-то время отличалось наибольшимъ спокойствіемъ въ деревняхъ, рѣзко отбѣняясь тѣмъ отъ предъидущей и послѣдующей эпохъ. Объ усмиреніяхъ и экзекуціяхъ стали забывать. Случайныя волненія если и бывали, то такія рѣдкія, единичныя, что ихъ почти не было замѣтно, да и тѣ возникали отъ какихъ-либо исключительныхъ причинъ, не ведя притомъ къ большимъ послѣдствіямъ. Кромѣ переданной прежде „немировской исторіи“, могу припомнить за Безаковское время рассказы только объ одномъ или двухъ случаяхъ сопротивленія въ ольгопольскомъ уѣздѣ, при постановкѣ межевыхъ столбовъ, да о четырехъ случаяхъ въ кіевской губерніи (въ томъ числѣ въ имѣніяхъ гр. Бобринскаго), которые все-таки кончились благополучіемъ, чѣмъ кончались подобные примѣры прежде. Вообще, съ полученіемъ серьезной надежды на улучшеніе своего состоянія, крестьяне въ общей массѣ, даже и при неудовольствіяхъ, вели себя осторожнѣе прежняго, терпѣливо выжидая окончательныхъ результатовъ.

За окончаніемъ главной массы повѣрочныхъ работъ, объѣздъ края Безакомъ въ 1867 году былъ посвященъ уже преимущественно другой сторонѣ дѣла—состоянію крестьянскаго управленія и знакомству съ экономическимъ положеніемъ населенія. Мировыми учрежденіями произведена была повсемѣстная ревизія волостей. Собранъ былъ повсюду обширный статистическій матеріалъ, касающійся сельской администраціи и хозяйственного быта каждой отдѣльной деревни, который группировался по уѣздамъ и губерніямъ. Ко дню пріѣзда Безака въ тотъ или другой уѣздъ, крестьянское волостное и сельское начальство нѣсколькихъ волостей являлось къ нему съ волостными книгами и подвергалось разспросамъ и указаніямъ. Безакъ самъ просматривалъ книги мірскихъ приговоровъ и крестьянскихъ сдѣлокъ, читалъ рѣшенія волостныхъ судовъ, и по этому поводу происходили сужденія о способахъ улучшенія дѣла. Крестьянамъ онъ лично внушалъ, что, получивъ удовлетвореніе своихъ законныхъ претензій, они должны строго соблюдать чужія права, воздерживаясь отъ всякаго ихъ нарушенія, и искать улучшенія своего быта въ собственномъ трудѣ, хозяйственности, а также—въ обученіи своихъ дѣтей.

Однако на посвѣтлѣвшемъ фонѣ крестьянскаго міра крупнымъ темнымъ пятномъ оставалось положеніе тѣхъ селеній, которыхъ коснулись не разъ упоминавшіеся прежде выкупные договоры и выкупы по требованію одной помѣщичьей стороны, совершенные до повѣрочной эпохи, т.-е. въ періодъ 1861—1863 годовъ. Какъ уже было рассказано, исправленіе этихъ выкуповъ составляло большую и сложную задачу, по причинѣ непослѣдовательности закона, отнесшагося къ нимъ совсѣмъ не такъ, какъ къ устройству главной массы сельскаго населенія. Въ сущности, этими выкупами крестьянскія права и выгоды нарушались вовсе не меньше, а часто даже гораздо больше, чѣмъ многими уставными грамотами, потому что при нихъ сильно сокращались надѣлы и преувеличивались повинности. При томъ же и число этихъ выкуповъ было значительно. Въ подольской губерніи ихъ было 226 (т.-е. они коснулись болѣе чѣмъ десятой части крестьянскаго населенія), въ кievской—165, а въ волынской—46. Но законъ 1863 года, не взвѣсивъ сущности дѣла, отнесся къ состоявшемуся „выкупу“ какъ къ чему-то болѣе священному, нежели уставная грамота, и сначала оставилъ-было всѣ выкупы въ полной силѣ, а впослѣдствіи,—когда кievская временная коммиссія подняла вопросъ объ ихъ выдающихся неправильностяхъ,—дѣло разрѣшилось изданіемъ 28-го апрѣля 1865 года такихъ

сложныхъ правилъ, которыя совсѣмъ парализовали ходъ исправленія ихъ.

По этому закону, порядокъ разбора жалобъ на выкупы 1861—1863 годовъ установленъ былъ такой: мировой съѣздъ, не приступая къ обычному разбирательству, собираетъ свѣдѣнія о формальныхъ нарушеніяхъ при совершеніи выкупа, а также о существѣ понесенныхъ крестьянами потерь, и сообщаетъ свой отзывъ губернскому присутствію, которое съ своимъ заключеніемъ представляетъ дѣло на усмотрѣніе генераль-губернатора; затѣмъ, если послѣдній признаетъ выкупъ неправильнымъ, а крестьянскія претензіи основательными, то сначала предлагаетъ помѣщику добровольно удовлетворить крестьянъ и, лишь въ случаѣ его отказа, испрашиваетъ, чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, разрѣшеніе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія на уничтоженіе выкупа съ производствомъ повѣрки уставной грамоты на общемъ основаніи. Главными неудобствами такого порядка представлялись, во-первыхъ, большая потеря времени, а во-вторыхъ—необходимость проводить каждое отдѣльное дѣло, при отсутствіи помѣщичьяго согласія, черезъ двѣ петербургскія инстанціи, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, отъ одной мало ожидалось благопріятнаго отношенія къ дѣлу. Такъ какъ на повсемѣстное помѣщичье согласіе разсчитывать было нельзя, да и при расположеніи къ нему предвидѣлась необходимость торговаться и дѣлать уступки въ интересахъ ускоренія, то въ большинствѣ случаевъ на мѣстную переписку и проведеніе дѣла черезъ Петербургъ должны были требоваться годы, и уже по истеченіи ихъ дѣло могло приходить лишь къ тому моменту, съ какого въ невыкупленныхъ имѣніяхъ оно начиналось сразу. Такой порядокъ лишалъ значенія всю энергію и участіе мѣстной власти, какъ бы велики они ни были, потому что сколько бы ни горячились начинать дѣла—послѣднимъ предстояло вдоволь натормазиться при дальнѣйшихъ мытарствахъ. Къ тому же, въ концѣ Безаковского управленія помѣщики стали сильнѣе разсчитывать на министерство и вообще на новыя вѣянія, отчего ихъ склонность къ уступкамъ уменьшилась. И въ результатѣ вышло такое положеніе, что нерѣдко изъ двухъ сосѣднихъ селеній одно, не выкупившееся раньше, скоро получало полное удовлетвореніе, а другое—выкупившееся—оставлялось на неопредѣленный срокъ при самыхъ неясныхъ ожиданіяхъ, и примѣръ его отбивалъ у крестьянъ охоту ко всякимъ соглашеніямъ, требовавшимъ формальныхъ сдѣлокъ и обоюдныхъ подписей. Оттого, хотя къ концу Безаковского управленія начата была и масса

дѣлъ по исправленію старыхъ выкуповъ, но, при задержкѣ исхода, совокупность такихъ дѣлъ представляла положительно темное пятно. Отъ главнаго комитета ожидалось участливое отношеніе къ исправленію, но министерство считало себя въ правѣ, при разномыслии съ генералъ-губернаторомъ, не ограничиваться заявленіемъ различія мнѣній, а просто не доводить дѣла до главнаго комитета. Положеніе вообще принимало такой видъ, какъ будто здѣсь одна правительственная рука мѣшала усиліямъ другой.

Для нагляднаго представленія, какъ эти условія отражались на практикѣ, могу привести ходъ дѣла въ моемъ уѣздѣ. Тамъ было 19 выкуповъ періода 1861—1863 годовъ. Изъ нихъ по четыремъ помѣщикамъ сразу согласились на исправленіе, требовавшее въ трехъ случаяхъ значительнаго пониженія платежей, а въ остальномъ, кромѣ того, и возврата четвертой части земельного надѣла. Далѣе, въ одномъ имѣніи исходъ дѣла облегчился тѣмъ, что оно перешло въ казенныя руки и вѣдомство государственныхъ имуществъ не противилось исправленію, и въ одномъ же крестьяне на земельныя обиды не жаловались. Что же касается прочихъ, то хотя Безакъ большею частью успѣлъ признать правильность крестьянскихъ претензій и предложить помѣщикамъ удовлетворить ихъ, но помѣщики или торговались, или молчали, выжидая для себя болѣе благопріятныхъ временъ. Такъ дѣло осталось на полу-пути до смерти Безака, и участь его попала въ зависимость уже отъ послѣдующихъ вѣяній. Для иныхъ селеній исходъ затянулся на долгіе годы, а для другихъ разрѣшался кое-какъ, съ чувствительными урѣзками. Общая система осталась невыдержанною, словомъ—непоследовательность закона обрекла значительную часть населенія быть неблагопріятнымъ исключеніемъ.

Вообще, съ 1867 года положеніе наступило болѣе спокойное, но съ образованіемъ сравнительнаго досуга дѣятельная инициатива Безака, опиравшагося на способныхъ помощниковъ, нашла себѣ примѣненіе въ другихъ мѣстныхъ вопросахъ. Достаточно поверхностнаго взгляда на сущность послѣднихъ, чтобы понять, насколько они были серьезны для населенія.

Поднятъ былъ крупный вопросъ о преобразованіи въ краѣ владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ. Первыхъ въ краѣ восемь ¹⁾, а послѣднихъ—болѣе трехсотъ, и положеніе ихъ являлось разстроеннымъ наслѣдіемъ временъ еще польскаго влады-

¹⁾ Бердичевъ, Липовець, Ямполь, Староконстантиновъ, Острогъ, Дубно, Ровно и Ковель.

чества. Поселенія эти—городскія, торгово-промышленнаго характера, но они состоятъ въ частномъ владѣніи, причемъ масса жителей обязывается платить владѣльцамъ „чиншъ“, не будучи полными собственниками своихъ домовъ; въ иныхъ же владѣльцы взымали еще разные торговые сборы: съ тѣхъ или другихъ предметовъ продажи, за проѣздъ и т. д. Запутанность отношеній, съ одной стороны, дѣлала необезпеченнымъ положеніе каждаго домовладѣльца, а съ другой—порождала безконечныя тяжбы и чуть не ежедневные споры то по поводу неисправной уплаты „чинша“, то изъ-за пользованія водою, изъ-за новыхъ построекъ и т. под. Отношенія сторонъ въ мѣстечкахъ доходили иногда до крайней степени раздраженія. Производились часто полицейскія взысканія, описи обывательскихъ имуществъ, заявлялись требованія выселеній. Когда Безакъ, стремясь къ улучшенію состоянія этихъ поселеній, поручилъ собираніе свѣдѣній о нихъ предсѣдателямъ мировыхъ сѣздовъ, то надежды возникли и у населявшихъ мѣстечки евреевъ, которые, давая требуемыя объясненія, высказывали, что и они ждутъ себѣ „счастія“, въ видѣ упроченія своего владѣнія съ огражденіемъ отъ притязательности владѣльцевъ. Было основаніе ожидать и для нихъ допущенія выкупа жилищъ. Собранъ былъ и разрабатывался Воронинымъ обширный матеріалъ, но... за смертью Безака окончательное мнѣніе его объ основаніяхъ реформы осталось невысказаннымъ, все остановилось, и вопросъ о владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ пребываетъ въ прежнемъ положеніи до нынѣшняго дня. Не отыскивается былой инициативы.

Отмѣнены были обязательныя повинности крестьянъ по обработкѣ земельныхъ участковъ духовенства, съ замѣною ихъ общимъ поземельнымъ налогомъ. Возбуждался даже вопросъ объ уравнианіи лежавшихъ на податномъ населеніи натуральныхъ повинностей, которыя до сихъ поръ даютъ крестьянство своею отяготительностью, неравенствомъ и сословнымъ характеромъ, ожидая улучшенія лишь отъ земскаго преобразованія.

Большимъ вопросомъ было положеніе составлявшей значительную часть сельскаго населенія бывшей „шляхты“. Въ давнее время, эти люди считали себя дворянами, но въ Бибиковскую эпоху правъ ихъ подверглись пересмотру, и вся масса забракованныхъ шляхтичей сразу обращена была въ податное сословіе западныхъ однодворцевъ. Въ бытовомъ отношеніи—по занятіямъ, образу жизни и даже по внѣшнему виду—эти люди совершенно уподоблялись крестьянамъ; они были чистые земледѣльцы и пользовались земельными участками равной величины съ крестьян-

скими, даже расположенными попеременно съ послѣдними, но не были ограждены отъ сгона съ земли. За свое пользованіе они платили помѣщикамъ „чиншъ“, иногда мѣнявшійся въ размѣрѣ по помѣщичьему усмотрѣнію, и отбывали натуральныя повинности, какими помѣщики особенно стали донимать ихъ, когда лишились крѣпостного труда. Всего чувствительнѣе была имъ поставка подводъ для перевозокъ. Численность однодворцевъ въ краѣ составляла около 150 тысячъ мужскихъ душъ (точной цифры у меня подъ рукою нѣтъ), причемъ часть ихъ составляли католики, а большинство—православные. Вопросъ о преобразованіи однодворческаго сословія былъ поднятъ законодательно, но такъ какъ, съ удаленіемъ отъ эпохи 1861 года, сельскія реформы разрѣшались все съ бѣльшими отступленіями отъ общихъ началъ „Крестьянскихъ Положеній“, то при рѣшеніи однодворческаго вопроса въ 1868 году земельные участки были укрѣплены только за тѣми, которые проживали въ казенныхъ селеніяхъ, а въ частныхъ имѣніяхъ (гдѣ ихъ было не менѣе 100 тысячъ мужскихъ душъ) однодворцы оставлены были „свободными сѣмщиками земель по договорамъ“, т.-е. въ полной зависимости отъ случайныхъ соглашеній. Ихъ только причислили къ волостямъ и переименовали въ „крестьяне“, съ распространеніемъ на нихъ и крестьянскихъ повинностей,—а это, вмѣсто улучшенія, принесло имъ ухудшеніе, такъ какъ, оставшись въ положеніи случайныхъ арендаторовъ, они обязывались платить въ казну, вмѣсто прежней „подымной“—крестьянскую „подушную“, т.-е. бѣльшую подать. У помѣщиковъ же, сейчасъ послѣ изданія закона, явилась тенденція сгонять однодворцевъ съ наслѣдственныхъ усадебъ и др. земель или назначать новыя набабки чинша. Въ виду такого положенія, Безакъ, въ послѣдній годъ своего управленія, выхлопоталъ отводъ въ сѣверной части таврической губерніи значительной площади казенной земли, куда однодворцы и устремились въ значительномъ числѣ, образовавъ тамъ новыя селенія. Однако этимъ опытомъ и заключилась попечительность о нихъ. Не переселившіеся же стали подвергаться на родинѣ извѣстной системѣ „очищенія помѣстій“, сопровождавшейся сопротивленіями, усмиреніями и уголовными процессами, словомъ—образовалась новая масса сельскаго пролетаріата, да увеличилось населеніе тюремъ. Въ послѣдствіи, по нѣкоторымъ частнымъ случаямъ сгона, дошедшимъ до сената, выяснилось, что у этихъ людей былъ особый источникъ права, такъ называемое чиншевое право, и это возбудило новый законодательный вопросъ, но онъ разрѣшился лишь восемнадцать лѣтъ

спустя, когда значительная масса была уже согнана съ мѣстъ. Установленный же порядокъ разбора чиншевыхъ дѣлъ вышелъ такимъ сложнымъ, что дѣло затянулось опять надолго, и трудно сказать, вполнѣ ли закончено даже теперь.

Между тѣмъ какъ шло описанное выше, въ Петербургѣ замѣтно усиливались вѣянія, противныя установившемуся въ краѣ направленію, и опять почувствовалось вліяніе той роковой связи судебъ крестьянскаго дѣла съ политическими мотивами, которая сказывалась въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Въ этихъ судьбахъ слишкомъ многое зависѣло отъ того — „полякъ“ ли заслонялъ „помѣщика“ въ данное время, или, наоборотъ, помѣщикъ — поляка. Охрана крестьянскихъ интересовъ въ описываемую эпоху допускалась свыше — подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій 1863 года, вызвавшихъ раздраженіе противъ поляка, и упомянутые интересы получали удовлетвореніе не столько во вниманіи къ нимъ самимъ, сколько въ видахъ противодѣйствія поляку. Но къ концу шестидесятыхъ годовъ впечатлѣнія 1863 года стали слабѣть и, неразрывно съ тѣмъ, во вліятельныхъ сферахъ быстро поднимались фонды крупнаго землевладѣнія за счетъ крестьянскихъ.

Въ сущности эта односторонняя тенденція вовсе и не прерывалась. Въ Петербургѣ, въ высшихъ служебныхъ сферахъ и въ нѣкоторой части общества постоянно существовала вѣская партія сторонниковъ реакціи крестьянской реформѣ, только не всегда одинакова была ея сила. Проводя свои виды въ отношеніи ко всѣмъ мѣстностямъ, эта партія дѣятельно интересовалась и западнымъ краемъ, гдѣ многое шло несогласно съ ея симпатіями, причемъ къ ней примыкали и вліятельные представители юго-западнаго землевладѣнія. Партія эта имѣла своимъ органомъ газету „Вѣсть“, которая неустанно травила и работниковъ крестьянскаго дѣла, и все Безаковское управленіе, встрѣчая, однако, столь же неутомимый отпоръ въ газетѣ „Кіевлянинъ“, профессора Шульгина, бывшаго убѣжденнымъ и горячимъ приверженцемъ той системы дѣйствій, которая въ краѣ пріобрѣла силу въ Безаковское время. „Вѣсть“ поддерживалась средствами партіи, а на подкрѣпленіе имъ шли субсидіи недовольныхъ юго-западнаго края, выражавшіяся въ томъ, что нерѣдко одинъ состоятельный помѣщикъ подписывался на много экземпляровъ газеты. Тонъ „Вѣсти“ являлся чуткимъ барометромъ противокрестьянскихъ вѣяній и шансовъ успѣха партіи. Газета раздувала вопросы о помѣщицьемъ разореніи, о баловствѣ и развращеніи мужика, пользуясь преувеличенными и искаженными фактами,

сообщаемыми ея мѣстными корреспондентами изъ недовольныхъ. „Кіевлянинъ“ же опровергалъ такія сообщенія точными данными, и эта печатная борьба представляла своего рода интересное политическое явленіе времени. По ходу этой борьбы можно было въ извѣстной степени слѣдить за теченіемъ преобладавшихъ и слабѣвшихъ вліяній. Разумѣется, партія дѣйствовала и другими, менѣе видными способами, но въ первое время Безаковского управленія, при остротѣ анти-польскихъ тенденцій, она не имѣла достаточной силы для противодѣйствія. Фонды ея поднимались съ ослабленіемъ означенной остроты, когда помѣщикъ чаще сталъ выглядывать изъ-за поляка, и къ послѣднему году Безака эти фонды успѣли уже подняться очень высоко. Надо еще напомнить, что въ данное время реакціонныя стремленія усиливались у насъ вообще, доходя до того, что открыто и съ апломбомъ выдвигались такіе идеалы, какъ поддержка развитія крупныхъ хозяйствъ посредствомъ обращенія возможно бѣльшей части крестьянства въ бездомныхъ батраковъ.

Агитація противъ дѣйствовавшей въ краѣ системы и лично противъ Безака становилась все громче. Съ 1868 года, на помощь „Вѣсти“ поспѣлъ еще другой органъ того же духа—газета „Новое Время“ Киркора и Юматова. Недовольные крестьянскою реформою ободрялись печатными увѣреніями, что часъ серьезной реакціи уже близокъ, что „обстоятельства рѣшительно складываются въ ихъ пользу“, что Безаку остается править очень недолго, такъ какъ противъ него идетъ большая сила, а затѣмъ скоро все пойдетъ на новый ладъ. Наконецъ, знаменательное предостереженіе юго-западному краю выразилось въ рѣзко-характерной перемѣнѣ управленія сѣверо-западнымъ краемъ, куда назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Потаповъ, ставившій себѣ относительно крестьянскаго дѣла прямою задачею—идти наперекоръ дѣйствіямъ своихъ предшественниковъ. Муравьевъ и Кауфманъ противодѣйствовали крупнымъ землевладѣльцамъ изъ политическихъ видовъ, а Потаповъ сталъ круто гнуть въ противоположную сторону по крѣпостническимъ симпатіямъ, давая интересы крестьянъ, и послѣднимъ—всего два года назадъ находившимъ начальственную поддержку—вдругъ пришлось очень плохо. Непослѣдовательность бросалась въ глаза, но—„такъ наша печь печетъ“!

Въ юго-западномъ краѣ 1868 годъ хотя и проходилъ какъ будто по прежнему, но приближеніе перелома чувствовалось въ воздухѣ. Безакъ по наружности держался усвоенной системы, но смущающіе петербургскіе вѣтры не оставались безъ вліянія

на него. Стали проявляться въ немъ нерѣшительность и доходящая до мнительности осторожность, усиливались опасенія раздражать недовольныхъ. Въ этомъ могло, впрочемъ, сказываться и вліяніе подкрадывавшейся къ старику роковой болѣзни. Иные уже задавались вопросомъ—устойтъ ли Безакъ въ своемъ образѣ дѣйствій при предстоящемъ усиленіи противныхъ вѣтровъ, не свернетъ ли въ сторону, или не повернетъ ли даже назадъ изъ политики? И тутъ пришлось особенно оцѣнить значеніе той напряженности предшествовавшихъ работъ по крестьянскому дѣлу, благодаря которой удалось закончить главную массу его при однородномъ благопріятномъ направленіи. Затянулись оно на болѣе долгое время—результаты вышли бы гораздо худшіе, такъ какъ если краю впереди грозила и не полная „потаповщина“, то все же къ остаткамъ крестьянскаго дѣла примѣнялось не мало вредныхъ мудрованій, небрежности и затяжекъ, неспособныхъ приносить ничего добраго и выражавшихъ даже нѣкоторое издѣвательство надъ дѣломъ. Неудобна бываетъ спѣшность благопріятствованіемъ частнымъ промахамъ, но въ Безаковское время этотъ недостатокъ съ огромнымъ избыткомъ вознаграждался тѣмъ, что въ отношеніи къ девяти-десятымъ всего дѣла выдержана была извѣстная цѣльность участливой системы. Для мудрованій осталась только неоконченная доля, да болѣе или менѣе ограниченные придирки къ исполненію конченныхъ дѣлъ.

Обѣхавъ въ послѣдній разъ нѣкоторые уѣзды края въ сентябрѣ 1868 года, Безакъ въ ноябрѣ отправился по обычаю въ Петербургъ, среди распространенныхъ ожиданій, что онъ уже не возвратится къ управленію. Но предрекавшей ему смѣны онъ не дождался, такъ какъ ее предупредила смерть. Тяжкая болѣзнь захватила Безака въ Петербургѣ, и тамъ же онъ умеръ въ самомъ концѣ декабря. Опять пришла новая пора для края.

V.

Итоги.

Очертивъ ходъ устройства юго-западныхъ крестьянъ въ эпоху наибольшей административной участливости къ нимъ, слѣдуетъ заключить показаніемъ—что же достигнуто было въ результатѣ всѣхъ устроительныхъ работъ? Хотя въ описанное время работы эти закончились неполнѣ, и сравнительно небольшія додѣлки ихъ достались уже времени послѣдующему, но коснуться итоговъ считаю болѣе удобнымъ именно здѣсь, потому что въ Бе-

заковское время опредѣлился общій характеръ крестьянскаго устройства и совершена была преобладающая масса его.

И въ періодъ самаго процесса упомянутыхъ работъ, и довольно долго послѣ того усиленно распространяемы были представленія, что помѣщичье землевладѣніе подвергалось крайне рѣзкому уменьшенію, что помѣщики теряли очень крупныя выкупныя суммы, а крестьяне непомѣрно надѣлялись землею, получая ее чуть не даромъ, причемъ разыскивавшееся инвентарное владѣніе 1847 года чрезмѣрно преувеличивалось мировыми учрежденіями. Но наиболѣе прочное основаніе для заключеній могутъ давать цифры. Онѣ способны всего точнѣе показать, насколько въ распространявшихся представленіяхъ участвовало изображеніе дѣйствительности и насколько—избытокъ чувствительности къ затрогиванію крестьянскимъ дѣломъ частныхъ имущественныхъ интересовъ.

Совершенно полныхъ цифровыхъ итоговъ привести здѣсь не могу; по невозможности найти ихъ вполне сгруппированными и разработанными. Найдутся итоги земель, окончательно укрѣпленныхъ за крестьянами, но гораздо рѣже можно встрѣчать вывѣренныя данныя о земляхъ, какія были назначены по первоначальнымъ уставнымъ грамотамъ до ихъ повѣрки, вслѣдствіе чего не хватаетъ матеріала для сравненій и затрудняется точное опредѣленіе той перемены, какую внесли въ крестьянское устройство работы мировыхъ сѣздовъ. Но такъ какъ для характеристики этихъ работъ и не требуется безусловно полныхъ данныхъ, то я воспользуюсь ограниченнымъ, но болѣе надежнымъ матеріаломъ. Часть его возьму изъ данныхъ, оглашенныхъ при самомъ окончаніи повѣрочныхъ работъ, а другую—изъ полученныхъ путемъ разработки документовъ главнаго выкупного учрежденія (работа Д. И. Рихтера, помѣщенная въ „Вѣстникъ Финансовъ“). При этомъ, рядомъ съ губернскими итогами приведу нѣкоторые изъ уѣздныхъ, въ виду того, что результаты повѣрочныхъ работъ разнились по мѣстностямъ.

Начать всего удобнѣе съ увеличенія размѣра крестьянской земли, бывшаго, конечно, въ зависимости отъ степени нарушенія инвентарнаго владѣнія въ періодъ 1847—1861 годовъ.

Въ уѣздѣ, гдѣ я былъ предсѣдателемъ мирового сѣзда, по подсчету 81 повѣрки, въ которыхъ я принималъ личное участіе, земельная прибавка къ надѣлу, бывшему до повѣрокъ, составила $16\frac{4}{5}$ процента, т.-е., въ среднемъ выводѣ, къ бывшимъ у крестьянъ пяти десятинамъ прибавилась шестая.

Въ сквирскомъ уѣздѣ, кievской губерніи, по первоначальнымъ

установленным грамотам у крестьян было 98 тысяч десятин, а после проверки стало 122 тысячи, т.-е., увеличение получилось в 24 процента.

В острожском уезде, волынской губернии, до проверки у крестьян было 71 тысяча, а после стало 91 тысяча десятин. Увеличение составило 28 процентов.

Во всей киевской губернии, за вычетом именных с выкупными договорами, по установленным грамотам числилось 977 тысяч, а предоставлено на выкуп после проверки 1.184.000 десятин. Прибавка по всей губернии равнялась 207 тысячам десятин, что составляет 21 процент прежнего количества.

Таковы подсчеты конца шестидесятых годов. Из работы же Д. И. Рихтера выходит, что прибавка к надѣлу на основании проверок составила: по киевской губернии 21 процент (как показано и выше), по подольской—18, по волынской—15, а по всему юго-западному краю в совокупности—18 процентов, т.-е. вообще к бывшим пяти десятинам прибавилась шестая. Вот что возбуждало громкий аларм, раздававшийся вокруг устроительных работ во время их производства.

Теперь перейдем к данным, относящимся к вопросу—преувеличивался или не преувеличивался мировыми съездами действительный размер разыскивавшегося инвентарного владения? Границы последнего в натуре определялись уже при самых проверках, но размер его показан был в инвентарных выписях, составленных после 1847 года по каждому имению, на основании помещичьих данных. К сожалению, губернские итоги могут быть представлены только по киевской губернии, благодаря тому, что в ней лучше сохранились упомянутые выписи, тогда как в подольской и волынской он в значительной степени были растеряны задолго до проверочной эпохи; оттого в этих последних губерниях редко можно было вывести и поуездные итоги выписей.

В киевской губернии, по инвентарным выписям за крестьянами значилось 1.250.000 десятин. Из них, по именным с выкупными договорами крестьяне получили 130 тысяч, следовательно на прочие имения, подвергавшиеся проверке, остается 1.120.000. Предоставлено же было на выкуп, по этим последним именным, как выше сказано, 1.184.000, т.-е. всего на 6 процентов больше против старых инвентарных показаний. Конечно, в отдельных случаях разница бывала и больше этой средней, но замечательна именно незначительность среднего вывода. Для объяснения подобной разницы могут быть совер-

шенно достаточны: неточность измѣреній въ инвентарное время, нерѣдкое отсутствіе ихъ, особенно относительно усадебъ, а также—пропуски земель въ инвентаряхъ, особенно садовъ, лѣвядъ и т. под.

Въ сквирскомъ уѣздѣ, хотя повѣрки увеличили надѣль на 24 процента, но окончательный размѣръ его (122 тысячи десятинъ) почти не отличался отъ инвентарнаго показанія (120 тысячъ). А въ острожскомъ, при увеличеніи на 28 процентовъ, разница вышла въ 7 процентовъ; именно по инвентарямъ значилось 84 тысячи, а на выкупъ поступило 91 тысяча десятинъ.

Средній надѣль на ревизскую душу, за всѣми повѣрками, составилъ: въ кievской губерніи 2,5 десятины, въ подольской—2,4, а въ волынской—3,9. Относительно послѣдней слѣдуетъ замѣтить, что въ ней бoльшая часть земель несравненно хуже, чѣмъ въ первыхъ двухъ (полѣсье и переходныя почвы).

Помѣщичье землевладѣніе осталось во всѣхъ трехъ губерніяхъ значительно больше крестьянскаго, т.-е. къ крестьянамъ перешло гораздо меньше половины площади имѣній.

Чувствительнѣе была переменна выкупныхъ платежей, а въ зависимости отъ нихъ—и доставшихся помѣщикамъ выкупныхъ суммъ.

Въ моемъ уѣздѣ средній подесятинный платежъ по 81 упомянутымъ выше имѣніямъ составлялъ до повѣрки 2 р. 73 коп., а послѣ повѣрки понизился до 1 р. 61 коп., т.-е. соответствовалъ оцѣнкѣ десятины въ 27 рублей. Для опредѣленія значенія этой оцѣнки слѣдуетъ принять во вниманіе, что по изданнымъ земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ средняя цѣна имѣній по купчимъ крѣпостямъ за предшествовавшее крестьянской реформѣ пятилѣтіе, въ означенномъ уѣздѣ и въ четырехъ одинаковыхъ съ нимъ сосѣднихъ, колебалась отъ 31 до 42 рублей, но при этомъ земля продавалась съ крѣпостнымъ правомъ, лѣсами, винокурнями, мельницами и экономическими постройками, тогда какъ крестьяне выкупали одну земельную площадь. Въ острожскомъ уѣздѣ (волынской губ.) средняя оцѣнка крестьянской десятины вышла въ 17 р. 40 коп., тогда какъ вольная продажная цѣна имѣній въ 1861—1864 годахъ, со всѣми хозяйственными статьями, была 20 р. 51 коп. Въ чигиринскомъ уѣздѣ (кievской губ.) крестьянская десятина оцѣнена въ 37 р. 50 к., при предшествовавшей вольной цѣнѣ въ 47 р. 35 коп.

По даннымъ г. Рихтера, среднее пониженіе платежей въ кievской губерніи составило 25, а въ подольской—31 процентъ.

Итакъ, платежи уменьшены были значительнѣе, чѣмъ увеличено крестьянское землевладѣніе. Платежное облегченіе, конечно, было очень важно, особенно въ то время, когда прежніе платежи превышали земельную доходность, когда существовали недоимки и оставалась неприкосновенною подушная подать, но земля все-таки была важнѣе, такъ какъ ея цѣнѣ и денежной доходности предстояло въ недалекомъ будущемъ быстрое возростаніе, да притомъ—что всего серьезнѣе—земля составляетъ постоянный, неистрачиваемый источникъ обезпеченія и крестьянскаго быта, и самихъ платежей, и хозяйственной самостоятельности ея владѣльцевъ.

Состоявшаяся прибавка надѣловъ въ общемъ итогѣ значила очень много при сравненіи съ прежнею ихъ недостаточностью, но, разумѣется, не въ смыслѣ полного удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей или предотвращенія острыхъ вопросовъ на продолжительное время, такъ какъ и за возвратомъ инвентарныхъ участковъ крестьянское землевладѣніе вышло очень ограниченнымъ и притомъ крайне неравномѣрнымъ. Въ иныхъ селеніяхъ крестьяне поправились чувствительно, но гдѣ надѣлъ и въ 1847 году былъ особенно малъ—тамъ онъ такимъ же остался. Все это—какъ объяснялось уже прежде—явилось слѣдствіемъ основного принципа надѣленія, ставившаго величину надѣла въ зависимость не отъ современной численности населенія, а отъ факта 1847 года, когда эта численность была много меньше, чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ. Увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія, въ общемъ, на 18 процентовъ, въ сущности, создало отсрочку земельныхъ затрудненій лѣтъ на десять или двѣнадцать, до образованія соответствующаго этой прибавкѣ новаго прироста населенія, который теперь давно уже превзойденъ. Неравномѣрность же распределенія разбила крестьянскую массу на нѣсколько различныхъ группъ: а) получившіе сообразно давнему инвентарному владѣнію очень малый надѣлъ; б) обиженные выкупами 1861—1863 годовъ; в) устроенные въ сравнительно раннюю повѣрочную пору при недостаточности закона и первыхъ, малоблагопріятныхъ вѣяніяхъ; и наконецъ, г) остальная масса, воспользовавшаяся всѣми новыми законами и благопріятнымъ направленіемъ дѣла. Рознь вышла немалая.

Задатки развитія сельскаго пролетаріата и земельной тѣсноты уже чувствовались при окончаніи повѣрочныхъ работъ. Кромѣ упомянутыхъ различій положенія и отсутствія въ краѣ общиннаго владѣнія, они состояли еще въ запрещеніи закономъ дробленія пѣшихъ полевыхъ участковъ. Тяглый хозяинъ, имѣя двой-

ной пѣшій надѣлъ, еще могъ раздѣлить его между двумя сыновьями, но, при наличности двухъ или трехъ сыновей у пѣшаго, послѣдній—въ состояніи передать свой надѣлъ только одному изъ нихъ, оставивъ прочихъ безземельными. Въ результатѣ—наибольшая часть прироста населенія обрекалась на безземелье. Максимальная численность полевыхъ хозяевъ въ краѣ predetermined въ точности, и кто не вмѣстится въ нее—тѣмъ предназначалось искать себѣ новыхъ исходовъ. Къ наличной и нараставшей массѣ безземельныхъ разомъ примкнули еще однодворцы изъ бывшей шляхты. Такіе задатки стали развиваться быстро. Нынѣшнее обостреніе въ краѣ переселенческаго вопроса и вызывающія уголовные процессы столкновенія изъ-за пастбищъ являются рельефными выразителями этого тридцать лѣтъ совершающагося развитія. Обрабатывающая же промышленность, несмотря на всѣ свои расширенія, оказалась далеко не въ силахъ пристраивать приростъ населенія.

Кромѣ измѣненія величины надѣла и платежей, работы по крестьянскому дѣлу оставили въ наслѣдіе будущему еще черезполосье и сервитуты, вызывающіе періодически сочиненіе новыхъ проектовъ.

Черезполосье существовало съ давнихъ временъ, выражаясь въ перемѣшанности не только помѣщичьихъ участковъ съ крестьянскими, но часто и участковъ разныхъ помѣщичьихъ владѣній. Во время крѣпостного права, расположеніе крестьянскихъ земель не затрудняло помѣщиковъ, особенно при старыхъ способахъ хозяйства. Но уже послѣ изданія инвентарныхъ правилъ явилась у помѣщиковъ тенденція округлять свои дачи, и они осуществляли это путемъ отобранія и обмѣна крестьянскихъ земель. Съ возстановленіемъ же въ шестидесятыхъ годахъ старыхъ инвентарныхъ границъ, во многитъ имѣніяхъ возвратилось и устранившееся было черезполосье. Послѣднее въ это время не вновь появилось (такъ какъ и безъ того достаточно оставалось земельной путаницы), но только нѣсколько усилилось. Отсюда возникали и возникаютъ проекты обязательнаго разверстанія угодій для округленія дачъ. Вопросъ этотъ обставляется разными мотивами, но особенно выдвигается на видъ общій экономическій: черезполосье мѣшаетъ улучшенію системъ полеводства, слѣдовательно устраниеніе его есть условіе хозяйственнаго прогресса и возвышенія доходности помѣщичьихъ имѣній. На этомъ основаніи и строятся планы принудительной перемежки. Однако, встрѣчая подобную аргументацію, все-таки нельзя не усматривать въ ней

большихъ трещинъ и односторонности отношенія къ дѣлу, нельзя подавить возникающихъ возраженій. Во-первыхъ, существующіе виды и размѣры черезполосья не помѣшали хозяйству края сильно подняться и стать гораздо доходнѣе прежняго, — что, кажется, никто не отрицаетъ; а во-вторыхъ, какъ ни взглянуть на дѣло — все-же оно сводится къ устройству интересовъ одной стороны за счетъ ломки владѣнія другой, тогда какъ послѣ выкупа обѣ стороны, какъ полные собственники, въ земельномъ отношеніи равноправны. Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что если извѣстному владѣльцу дать возможность выкраивать себѣ дачи изъ своей и чужихъ земель, не стѣсняясь правами и желаніемъ сосѣдей, то онъ сможетъ исполнить такую выкройку очень для себя удобно, улучшить способъ хозяйства и поднять доходность своего имѣнія. Только здѣсь неустрашимъ другой серьезный вопросъ — допустимо ли такое пренебрежительное отношеніе къ чужому праву и желанію? Можетъ быть, въ шестидесятыхъ годахъ охрана старыхъ инвентарныхъ границъ проведена была излишне строго; можетъ быть, лучше было бы просто прирѣзывать крестьянамъ недостававшее количество изъ смежныхъ земель — при равномъ ихъ качествѣ съ инвентарными — но фактъ уже совершился, имѣетъ слишкомъ тридцатилѣтнюю давность, и новая ломка границъ по цѣлому краю теперь была бы рѣзкимъ нарушеніемъ установившагося права и даже опаснымъ опытомъ, обѣщающимъ большія волненія въ населеніи. Далѣе — не видно гарантій, чтобы съ допущеніемъ столь широкой ломки при настоящихъ условіяхъ она могла быть проведена съ достаточною внимательностью, безпристрастіемъ и безобидностью для сторонъ. Ктò бы ее исполнялъ и какія отношенія теперь въ модѣ? Ломки допустимы развѣ при самыхъ исключительныхъ поводахъ, въ родѣ основныхъ реформъ, а къ такимъ едва ли можно причислить однѣ вѣроятности возвышенія того или другого частнаго дохода. Вообще, какъ ни хорошъ хозяйственный прогрессъ даже части владѣній, но важно также и „право“, а еслибы во имя такого прогресса позволительно было не стѣсняться правомъ, то на этомъ принципѣ можно заѣхать очень далеко. Наиболѣе правильный тутъ исходъ — соглашенія.

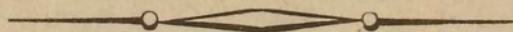
Смѣшанность правъ пользованія землею (сервитутъ) наиболѣе выдается въ отношеніи къ лѣснымъ покосамъ. Права эти не получили въ шестидесятыхъ годахъ точнаго разграниченія и сохранились сообразно старому обычаю. Деревья признаны принадлежностью помѣщика, а производящіе траву промежутки между

ними — крестьянскою, и права эти закрѣплены крѣпостными актами. Границы ихъ съ теченіемъ времени еще болѣе затемнились. Если, напр., помѣщикъ свои деревья вырубилъ — остается ли ему что-нибудь на данной площади, и если остается, то гдѣ? Когда отъ деревьевъ не осталось слѣда, — какъ разобрать, что было подъ ними и что подъ промежутками? Сервитутъ лѣсныхъ покосовъ — едва ли не самый мудреный вопросъ, тѣмъ болѣе, что не во всѣхъ актахъ обозначено отношеніе долей владѣнія. Въ иныхъ опредѣлено, что крестьянское пользованіе составляетъ половину или двѣ-трети всей площади покоса, а въ другихъ упомянута одна смѣшанность владѣнія.

Затѣмъ остался еще вопросъ о пастбищномъ сервитутѣ. 4 апрѣля 1865 года утвержденъ былъ законъ, по которому въ неразверстанныхъ имѣніяхъ, впредь до ихъ разверстанія, помѣщики и крестьяне пользуются правомъ общей пастбы скота на ихъ царовыхъ поляхъ, т.-е., если крестьяне пасутъ на помѣщичьемъ парѣ, а помѣщикъ на крестьянскомъ, то это считается не потравою, а законнымъ пользованіемъ. Законъ этотъ, бывшій узаконеніемъ давняго обычая, изданъ съ цѣлью уменьшенія неизбѣжныхъ сосѣдскихъ споровъ. На практикѣ онъ выгоднѣе для крестьянской стороны, потому что скота у крестьянскаго общества обыкновенно бываетъ больше, т.-е. фактически крестьяне въ болѣе мѣрѣ пользуются помѣщичьею землею, чѣмъ помѣщикъ крестьянскою; съ возростаніемъ же тѣсноты и трудности содержать скотъ — эта выгода еще вырастаетъ въ своемъ значеніи. Но помѣщики жалуются на пастбищный сервитутъ, считая его препоною къ улучшенію сельскаго хозяйства. Различные проекты стремились то къ разрушенію Гордіева узла простою отмѣною сервитута, безъ вознагражденія крестьянъ, — то къ допущенію вознагражденія, не соотвѣтствующаго цѣнности теряемой ими выгоды, — а болѣе подходящихъ исходовъ не придумывалось. Возникаютъ и новыя путаницы. Какъ различать разверстанныя имѣнія отъ неразверстанныхъ, когда точной границы между этими понятіями нѣтъ? Какъ опредѣлять границы сервитута, если помѣщичье имѣніе перешло въ другія руки по частямъ, которыя тоже соединялись потомъ съ частями другихъ владѣній и т. под.? Подробное обсужденіе такихъ вопросовъ не входитъ въ задачу настоящей статьи, и достаточно сказать одно: къ такимъ вопросамъ нужно больше серьезнаго и безпристрастнаго отношенія, чѣмъ проявлялось его до сихъ поръ.

Вотъ съ какимъ устройствомъ юго-западные крестьяне вступили въ свободную экономическую жизнь. Время, наступившее за Безаковскимъ четырехлѣтіемъ, представило уже своего рода эпилогъ къ эпохѣ устроительныхъ работъ.

Θ. Воропоновъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ДУБРАВА.

Мирно стояла дубрава, роскошнымъ нарядомъ одѣта,
Ласково вѣтви раскинувъ на встрѣчу отраднаго лѣта;
Гордо встрѣчала она пролетавшія по небу тучи,
Грозы, погоду и дождь, противъ вѣтра сильна и могуча.

Искра-злодѣйка тихонько къ опушкѣ съ костра отлетѣла,
Пламя мелькнуло, по листьямъ зеленымъ, вѣтвямъ зашумѣло;
Быстро съ нарядами всѣми сгубило дубраву жестоко, —
Только лишь пни почернѣвшіе грустно стоятъ одиноко!..

Мирно въ груди билось сердце, надежды златія лаская,
Вѣря въ отрадную жизнь и на счастье свое уповая;
Гордо встрѣчало оно пролетавшія въ жизни невзгоды, —
И безъ волненій, спокойно неслись пробѣгавшіе годы.

Искра любви вдругъ подкралась и въ сердце вонзилась
стрѣлою;
Кровь загорѣлась, и огненной страстью зажглось ретивое;
Мигомъ нарушенъ покой, — и сомнѣнья закрались глубоко...
Страсть роковая трепещетъ и рвѣтся въ груди одиноко!..

